

Елена Чутская

ТАКИЕ СЛОЖНЫЕ
ПРОСТЫЕ ИСТИНЫ

16+

Елена Чутская
Такие сложные
простые истины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42924869

SelfPub; 2019

Аннотация

Каждая женщина хоть один раз в жизни задаёт себе вопрос: как стать счастливой, где отыскать своё счастье? Такие простые вопросы, а найти на них ответы так никто и не может. Вот и я ищу. Вроде и жизнь у меня сложилась, и работа хорошая, денежная, и подруги надежные, закадычные. И живу спокойной, размеренной жизнью, за миражами не гоняюсь, на журавлей петли не закидываю, и умница, и красавица, а сердцу всё равно чего-то не хватает... Но однажды неожиданное стечение обстоятельств в один день нарушило мой привычный уклад жизни... Для оформления обложки использована иллюстрация с сайта Pixabay

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	29
Глава 3	60
Глава 4	80
Глава 5	103
Глава 6	133
Глава 7	152
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Глава 1

Если день не задался, то почему-то с самого утра и обязательно на каких-нибудь обыкновенных, самых мелочных вещах, но от которых сразу же портится настроение так, будто ты всё своё имущество разом поставила на «семь чёрное», а выпало «зеро». Первым сбежал кофе, но в этом я сама была виновата: засмотрелась на экран телевизора. Голубоглазый мачо в белоснежной рубашке нежно обнимал девушку за талию и притягивал к себе, делая на удивление загадочные глаза. Реклама нового «Тайда» просто завораживала! И тут за спиной я услышала знакомый шум кофейной пенки, стекающей по краям турки. После такой процедуры конечно же лучше сразу вымыть плиту и не оставлять этот приятный момент на вечер, когда кофейная лужа успеет напрочь присохнуть к очень нежной керамической поверхности, но времени было катастрофически мало. Вылив кофейные помои в раковину, я поплелась в ванную. Всмотрелась в тусклое, отёчное лицо и принялась наводить красоту. Дело это непростое и требует особого внимания и ловкости рук, потому что если попасть кисточкой от туши в глаз – это очень больно! Но у меня получилось гораздо лучше, кисточка как-то изловчилась и просто выскользнула между пальцев, успев на белой блузке прочертить жирную черную полосу прямо на середине груди. Не то чтобы грудь была приличного раз-

мера, отнюдь, ну просто даже на моей «возвышенности» задерживалось всё: и крошки от панини, и капли сливочного соуса, и фисташковое мороженное, и конечно, кисточка от туши, всё! – кроме взглядов мужчин.

Блузка была утрачена безвозвратно, пришлось переодеться, причём в точно такую же, так как дресс код, введенный в нашем холдинге с лёгкой руки главного бухгалтера год назад, не предусматривал ничего другого: белый верх, черный низ – школьные годы чудесные! Меня нельзя назвать очень умной женщиной, даже несмотря на высшее экономическое образование, но когда дело касается исключительно одежды, иногда на подсознательном уровне у меня включается женская интуиция именно в тот нужный момент, которого долго ждешь. Таким моментом был поход в торговый центр и покупка в трёх экземплярах совершенно одинаковых блузок и юбок нужного размера, так, на всякий случай, и этот случай сегодня наконец-то наступил.

Осмотрев себя в мутном от вековой пыли зеркале с ног до головы и оценив совершенство идеальной (тьфу-тьфу-тьфу! через левое плечо) фигуры, уже на ходу накидывала на плечи пальто и влезала в сильно растоптанные сапоги. Время опять поджимало. До метро бежала на всех парусах, перескакивая через мутные грязные лужи и обгоняя сонных, как мух, прохожих. Забыла! Снова забыла включить сотовый! Ну да ладно, все равно в метро нет хорошего сигнала, доеду до работы, там и включу. Просто сегодня у старой подружки наме-

чался день рождения. Вообще Светка была мировым человеком всегда, в любое время суток. Она легко решала проблему даже повышенной сложности и могла дать совет рассудительно, со всеми оценками непредвиденных ситуаций и даже небольшим прогнозом на ближайшее будущее. И главное, не было еще такого случая, чтобы её прогнозы не исполнялись. Говорила, что Маринка скоро разведется со своим новым мужем, и через два месяца они благополучно расстались, говорила, что Ириша найдёт новую работу, и она становилась начальником целого детского отдела солидного издательства. Ну, всё, решительно всё она могла предсказать, и этому уже лет сто никто не удивлялся.

Быстро присев на свободное место возле входа в вагоне метрополитена, я осмотрелась по сторонам. Ехать придётся долго, почти через всю Москву. Читать прилюдно я так и не научилась, для меня, это всё равно, что находиться в общественном транспорте совершенно голый, а занять свои мысли на ближайшие сорок минут, как не крути, а чем-то придётся. Не найдя подходящего экземпляра для визуальных психологических исследований, я тупо уставилась на носки коричневых сапог своей соседки и снова вспомнила про Светку. День рождения – нужен подарок! А что подарить женщине в её тридцать восемь лет абсолютно непонятно. Надо думать. Духи? Могут не понравиться. Косметика? Могу не попасть в тон. Платье? Нет, не угадаю! Тем более со Светкиным третьим размером груди это вообще не вариант. Пусть сама бе-

гает до потери сознания по бутикам и примеряет новые коллекции. Вспомнила! Лучший подарок это книга! В обеденный перерыв выйду в книжный магазин и что-нибудь подберу на свой вкус, пусть просвещается! Тем более Толик, муж Светки, очень любит забиться в какой-нибудь дальний угол подальше от всех и читать всё, что под руку попадётся до самого утра. Как был в институте книжным червём, таким и остался. Вообще, повезло, конечно, с мужем моей любимой подруге. Толик тихий, интеллигентный, заботливый, может даже суп сварить, покормить детей и никогда не ругается. Ну, просто никогда! За те двадцать лет, что мы знакомы, я слышала от него два раза «дура» и один раз «сволочь», и то последнее относилось к пьяному мужику, который справлял нужду в сильный мороз прямо в их подъезде. Конечно, таких индивидуумов больше не осталось, разобрали всех до последнего, и Светику можно только позавидовать огромной белой женской завистью, но такого мужа, как Толик, честно говоря, мне не очень-то и хотелось. Почему? Вопрос, конечно, интересный, но очень сложный.

Со своим Игорьком я прожила пять лет, после института сразу расписались свадьба, родственники, всё, как полагается. Счастливая была, как кошка! Ещё бы! Он был высокий, рослый, занимался лёгкой атлетикой, служил в армии в десантных войсках и очень этим гордился. Прямо выпирало это всё из него, словно перебродившее тесто из кастрюли. Поначалу мне нравилось это мальчишеское зазнайство, а по-

том стало почему-то противно. Ведь за всё время, что прожили вместе, ничего сам не мог решить. Как маленький ребенок! Куда устроиться на работу? Не знаю! Что купить в магазине? Не помню! Как собрать чемодан для командировки? Откуда мне знать! Что взять в отпуск и куда поехать? Решай сама! Вот и решала всё сама, пока он симпатичным незнакомым девушкам глазки строил. Но когда заговорила о ребенке... Я никогда не видела у мужика таких испуганных глаз! И вся эта гусарская бравада исчезла в один миг, словно испарилась. И остался совершенно безвольный, эгоистичный, упрямый человек, но уже другой, которого я не знала. В то же день вечером он говорил со мной категоричным тоном, требуя в дальнейшем о ребенке даже не заикаться. Объяснил, что нужно сначала для себя пожить, мир увидеть, и всё такое. Конечно, я даже и не возражала, но осадочек, как говорится, остался. Тогда мне было двадцать семь, самое время завести первого ребенка. А куда ещё тянуть? У моей мамы в таком возрасте было двое детей: я и младшая сестра Лёлька. Да и о дальнейшей работе нужно было задуматься, пока в декретном-то сидишь, присмотришься, всё разузнаешь, что да как...

Металлический голос из динамика оповестил о следующей остановке. На пятой мне выходить, но можно сильно не беспокоиться, я ведь рядом с выходом сижу. Так, о чём это я... Да, Игорёк! Потом он стал на работе часто задерживаться, какие-то собрания, сверхурочные. Два месяца я про-

валялась в городской больнице, сначала грипп, осложнение, внематочная... Когда пришла домой, он собирал чемодан. Прощание было кратким и лаконичным. «Прости, я встретил другую, будь счастлива. Пока.» Это через месяц я уже узнала, что у той «другой» и ребенок от него был трехмесячный, и они вместе работали и ездили по командировкам... Переживала сильно, чуть руки на себя не наложила. Спасибо Светке, вовремя ко мне заглянула и вытащила голову из духовки. Напились мы с ней тогда до чёртиков, она и ночевать осталась у меня, домой всё равно бы не доехала. Толик не ругался, вошёл в моё положение, даже посочувствовал... Потом был Олег, Руслан и Николай. Надо сказать, что на мужчин я всегда действовала каким-то непонятным магнетизмом. Все они тянулись ко мне, но находиться рядом долго никто не мог, работа меня интересовала больше. Последний Михаил пришел с одним чемоданом и принёс рыжего кота. К животным у меня такое же отношение, как и к мужчинам. Стирать носки и кормиться должен сам. Мишаня прожил со мной дольше всех, почти полгода. Он терпеливо варил вечерами пельмени, резал салат, пока я проверяла под настольной тусклой лампой отчеты по отделам продаж. Даже пытался начать ремонт в двухкомнатной хрущёвке на правах хозяйина и купил белую краску для окон. Но что-то всё-таки не срослось, не сложилось. Однажды, вернувшись поздно вечером после работы, я обнаружила на кухонном столе подробную записку, что жить он так больше не может и просит его

не искать. Ну, просит, так и не буду. А через неделю ушёл и кот. И тут я поняла. Хватит! Надо в жизни что-то менять! И в первую очередь надо менять себя!..

«Проспект Вернадского, выход к...», – снова раздался металлический голос из динамика. Ой, это же моя остановка. Я подскочила и бросилась к двери.

– Женщина! Вы мне ногу отдавили, – неслось мне в спину. Чей-то низкий бас покрыл даже громкий голос из динамика. – Чумная баба!

Ну, стыдно, конечно! Но проехать лишнюю остановку, а потом возвращаться обратно было еще хуже. Ладно, потерплю. Все эти мысли о прошлой полной одиночества жизни навели еще большую тоску. К работе я подходила уже в отвратительном настроении. Листья, втоптаные в грязный асфальт, огромные лужи, морозящий дождь, мерзкий холод – все признаки для поздней осенней депрессии, плавно переходящей в затяжную, заунывную зимнюю невралгию.

– Елена Алексеевна! – сердце просто остановилось. За моей спиной стоял финансовый директор. Сейчас укажет на часы и лишит годовой премии на рождество. – У меня к вам необычная просьба.

Это ещё что такое? Пришлось встать по стойке «смирно» и улыбаться.

– Моя секретарша заболела. А сегодня такой день, что присутствие на собрании акционеров обязательно. Годовой доклад, ну, вы понимаете?

Я согласно кивнула головой, совершенно не понимая, что от меня хотят.

– Вы, Леночка, просто должны поехать со мной в головной офис и помочь всё подготовить к выступлению. – Его рука как-то приятно сжала мой правый локоть, а на лице растянулась масляная улыбка мартовского кота.

– Почему я? – задала глупый вопрос, но это всё, что пришло мне в голову.

Заместитель директора по финансовой части, а между нашими сотрудниками просто Петя, был достаточно солидный, взрослый мужчина пятидесяти лет. Характером спокоен и временами даже, вот как сейчас, до безобразия вежлив. Заметная плешь и чуть выпирающий животик под модным пиджаком, тем не менее, не мешали ему волочиться за каждой новой юбкой в отделе маркетинга. Поговаривали про его многочисленные похождения при том, что жена Пети ежедневно приезжала к нему на работу и подолгу болтала с его секретаршей, контролируя каждый шаг мужа. Говорил он всегда тихо, сдержано, никогда не улыбался, и глаза его всегда смотрели прямо на собеседника, словно гипнотизировали. Он мне не нравился, напоминал удава, и провести рядом с ним полдня представлялось чем-то ужасным и безысходным.

– Потому что вы, Леночка, составляли этот доклад, – Пётр Иванович стал терпеливо объяснять. – И в случае, если возникнут какие-нибудь вопросы, вы поможете мне более по-

дробно пояснить их перед собранием акционеров, я надеюсь.

Ну, что тут скажешь? Череда неприятностей продолжалась, это был такой день, и он только начинался. Стрелки на часах показывали без десяти минут девять. Удачно я пришла сегодня на работу!

Петя попросил к половине одиннадцатого ждать его возле входа и любезно проводил к лифту, с большим сожалением выпуская меня из своих цепких пушистых лап. Включив со-товый, я обнаружила три пропущенных звонка и два сообщения, и всё от Светки.

– Ленка, привет! – орала она из телефона, пытаясь пере-кричать гул подземки. – Я всё утро пытаюсь до тебя дозво-ниться! Соня ты, опять проспала? Нужно встретиться в на-шем кафе в обед, ты сможешь?

– Не знаю, – безрадостно ответила я. – Зам везёт меня на годовое собрание, это может быть надолго.

– Тогда так! – альтернатива возникла мгновенно. – Ко-гда освободишься, сразу позвони. Я пораньше уйду с рабо-ты, есть причина. Расскажу потом, при встрече. Целую, до-рогая! Жду звонка!

В этом была вся Светка! Какие-то идеи, спонтанные ре-шения, недомолвки и всё на ходу. Остаётся только ждать, ко-гда я освобожусь. И тут снова рок судьбы! Левый сапог по-чему-то стал легким и непослушным, а одна нога стала коро-че другой. Это каблук отклеился и висел на одной подмётке. Ужас! Срочно нужно было искать другую обувь, но магази-

ны открываются не раньше десяти, да и успеть найти что-то подходящее за полчаса не представлялось уже возможным. Я уныло поплелась в приемную главбуха. Её секретарши на месте не оказалось, пришлось самой стучать в дверь и напрашиваться на приём.

– Тамара Геннадьевна, выручайте! Век буду вам благодарна!

Уж если в большой компании попадётся вам приличный главный бухгалтер, не сомневайтесь, это будет мировая женщина! С ней можно и на налоговую проверку, и в любую, явно сомнительную, финансовую операцию, и даже в разведку, с ней не страшно, она не подведёт. Тамара Геннадьевна мгновенно оценила моё положение, прикинула размер. Через внутреннюю связь вызвала своего заместителя. Хрупкая, тоненькая девушка быстро вошла в кабинет.

– В чем на работу сегодня пришла? – строго спросила её старшая по рангу.

– Я на машине, – Оленька вздёрнула носик, надула губки.

– Сапоги есть? – между умственными потенциалами заместителя и главбуха зияла пропасть.

– Зачем сапоги? Туфли, – снова странный ответ.

– Неси, – команда была простой, не сложной. Оленька исчезла за дверью.

– Наказание мне с ней, – пожаловалась Тамара Геннадьевна. – Дочка первого зама. Устроил ко мне, а мозги выдать забыл. Вот и мучаюсь уже второй год.

– Так увольте её, – посочувствовала я.

– Как? Каким образом, золотая моя? – вытаращила на меня глаза Тамара. – Трону её, сама без работы останусь.

Дверь открылась. Оленька принесла свои туфли, размер на удивление совпал. В указанное время я, как часовой, стояла на входе перед главным лифтом в ожидании Петра Ивановича. Он спешил, на ходу пытался запахнуть полы длинного плаща. Довольная улыбка не сходила с его лица. Меня сей факт весьма заинтриговал. Чему может всё утро улыбаться заместитель директора по финансам крупной торговой компании? Успешной сделке, хорошей премии, долгожданному отпуску? Непонятно. Понятно стало тогда, когда он уселся возле меня на заднем сиденье и нежно опустил свою пушистую лапу на мою открытую коленку... Тут нужно обязательно оговориться! Ноги мои были не некрасивые, а как говорят итальянцы: *просто* красивые. Не очень длинные, но и не короткие, в меру. Колени же выделялись какой-то особой четкостью и одновременно мягкими овальными линиями, одним словом – вполне приличные, стоящие коленки.

Когда Бог создавал из кривого, и явно несимпатичного, ребра Адама женщину, он старался на совесть! Ну, нравилось ему это занятие! В женщине прекрасно получилось всё, в буквальном смысле этого слова. Но женская коленочка требует отдельной оды! Стоит только аккуратно натянуть на стройные ножки эластичные нейлоновые чулки, надеть модные итальянские туфли на приличном каблукке, а юбку из

обтягивающей мягкой приятной на ощупь ткани одёрнуть обязательно чуть-чуть поверх колен, сантиметров эдак на двадцать, как взору даже самого закоренелого холостяка и женоненавистника откроется удивительное зрелище, пленяя смелые мысли его и сладостно сжимая в нежной истоме остановившиеся всего на несколько секунд сердце. Какой мужчина оставался равнодушным к женским коленям, которые дразня и, в то же время, заигрывая, дарили ему несбыточную надежду и поощряли самые дерзкие мечты!

Но не так всё просто! Стоит только счастливчику забыть на несколько долгих мгновений и дотронуться до этой красоты, как тут же наступает быстрое и горькое пробуждение, а с ним и разочарование. Ведь ничто так не оскорбляет женщину, как рука нежеланного мужчины на её коленке! Нет более интимной части женского тела из всех тех, которые она заведомо нарочно выставляет напоказ! Не взятие интересной собеседницы под локоток, не полуобъятие оной за талию и даже нежное (ненароком) прикосновение к её упругим ягодицам, ничто, ну ровным счетом ничто так не задевает женщину, как возложение твердой и уверенной руки на её прекраснейшее коленце! Эффект от попытки такой будет сродни самой надежной, что ни на есть, лакмусовой бумажки. Если ваша спутница сразу же откинет со своего колена дерзкую руку в сторону, всё! Граница закрыта, и соваться туда явно не стоит, хотя бы ближайшее время. Если руки не отняла, а даже сделала вид, будто не замечает происходяще-

го, то есть шанс на успех и даже, не будем столь быстро заглядывать вперед, на скорое дальнейшее знакомство в более интимной обстановке! Только и здесь торопиться не следует, чтобы дров не наломать... Я же сделала исключительную глупость: просто онемела на несколько секунд от такой наглости. А когда опомнилась, рука Пети уже уверенно скользила под юбкой, приятно поглаживая внутреннюю часть моего бедра по нейлоновому чулку, а его слова доносились до моего остолбенелого сознания откуда-то издалека.

– ...на совете директоров каждый год присутствуют представители наших потенциальных конкурентов, чтобы вся информация о проделанной работе была более прозрачна и доступна для тех, кто захочет ставить нам палки в колёса...

Я очнулась и резко отбросила его руку.

– Пётр Иванович, – говорить старалась ровно и спокойно, но нарочно громко, чтобы услышал и водитель, – при пояснении ваших действий на докладе необязательно лезть рукой под мою юбку.

В машине повисла гробовая тишина, даже маленький японский приемник на деревянной панели два раза кашлянул, чихнул и чем-то поперхнулся. Музыка Пола Маккартни оборвалась на самой красивой ноте. Петя слегка покраснел, на моё удивление буркнул тихое извинение, типа «мол, сама виновата, а могла бы и удовольствие получить», и отвернулся к дождливому окну. До главного офиса никто больше слова не произнёс.

В большой зал конференции я вошла в таком отвратительном настроении, в котором не помнила себя уже давно, года два точно. Длинный овальный стол был окружен удобными мягкими стульями. Свободных мест уже не было. Секретарши головного офиса раскладывали перед собравшимися чистые листы бумаги, открывали бутылки с минеральной водой, предлагали кофе. Ждали председателя совета директоров. Возле стенки стояли кожаные тупые диваны, видимо для тех частных лиц, которые не входили в совет, но присутствовать здесь им всё же не запрещалось. Там уже расположилось несколько человек. Все мужчины среднего возраста, в приличных дорогих костюмах, обувь вычищена до блеска. Свободного места было достаточно, я присела с краю.

Через пять минут вошел пожилой энергичный председатель, и собрание началось. За длинными нудными речами ничего толком нельзя было разобрать. Понятно было одно, что бизнес успешно развивается, крепко стоит на ногах зарубежных инвесторов и вот-вот должен встать на свои собственные ноги, но всё-таки для этого ему пока чего-то не хватает, какого-то волшебного слова. Настала очередь выступления Пети, т.е. Петра Ивановича. Справился он хорошо, всё четко разложил по полочкам, так что моя помощь была в принципе и не нужна. А так как время подходило к долгожданному обеду, толком его никто уже и не слушал. Председатель встал и объявил перерыв.

Уже в коридоре перед модным и дорогим буфетом биз-

нес-центра я подошла к финдиректору.

– Пётр Иванович, я вам здесь ещё нужна?

– Вы, Леночка, мне нужны всегда, – прозвучал вполне определенный ответ. При этом Петя поправил на носу очки, надул капризно пухлые губы и стал похож на обиженного ребёнка.

– У меня в офисе работы много, а доклад вы свой уже прочли. Что мне здесь делать? – уступить ему не хотелось.

– Хорошо. Можете ехать обратно, только на метро. Машина мне самому нужна.

Ну и жучара! Значит, как лезть под юбку – это всегда, пожалуйста, а как отвезти женщину под дождём обратно на работу, так машина, видите ли, самому нужна. Сволочь!

Пока через обувной магазин добралась до офиса, был уже конец рабочего дня. Я сразу же занесла туфли Оленьке и в дверях приёмной столкнулась с Тамарой Геннадьевной. Ей хватило одного взгляда, чтобы понять: со мной произошло что-то из ряда вон выходящее. Молча повела в свой кабинет.

– Рассказывай! – из-под стола достала бутылку ирландского ликера, две малюсенькие стопочки.

Я категорично замотала головой и готова была уже разрыдаться. Главбух сделала гениальное действие: убрала ликёр и также волшебным образом водрузила на стол коньяк! Первую рюмку я выпила залпом. Тамара тут же открыла коробку конфет, откуда-то из воздуха материализовался нарезанный тонкими дольками лимончик.

– Я даже моргнуть не успела, а он уже у меня под юбкой... – я пыталась всё связно рассказать, но накипевшая злость путала ход мыслей. – И вот что обиднее всего, Тамара Геннадьевна, (та наливала третью рюмку), я ведь не московская гимназистка-институтка тринадцати лет, могла бы и потерпеть, но почему-то уж очень мерзко стало и... гадко... И почему я? Ведь он же за молоденькими секретаршами всегда ухлёстывал...

– Видимо, на более зрелых потянуло, – вздохнула Тамара Геннадьевна, пережевывая и долго смакуя дольку кислого лимона. – Да... Елена Алексеевна, не позавидуешь тебе теперь.

– Это почему? – встрепенулась я всем своим отупевшим после крепкого напитка сознанием. – Вы думаете, он теперь от меня не отстанет?

– Не думаю, а знаю, – ответ главбуха не очень обнадеживал. – Не первый год я с ним работаю. Всех его секретарш помню и поименно, и поочередно.

– Тамара Геннадьевна, уже пять часов, – в кабинет просунула голову Оленька, с извиняющимся видом промямлила, – можно я уже пойду, а то в пробках не хочется три часа торчать.

– Иди, – отмахнулась начальница и уже добавила, когда дверь за помощницей тихо закрылась. – Понакупают дорогих иномарок и жалуются потом на пробки. На метро ездить не хотят, воняет им там простым народом... Ты-то тоже на

машине?

– Откуда? – икнула я. – С роду не было, да и прав нет... Тамара Геннадьевна, может мне в отпуск попроситься, пока всё не уляжется, а? – осенило меня.

– Кобеля со стажем уже не исправить, – задумалась главбух. – Знаешь что, возьми лучше больничный на недельку. А я тем временем что-нибудь придумаю.

– Так конец года, работы полно.

– Домой всё забирай. А будут вопросы – сразу мне звони. Я тебя прикрою.

Уже выходя из кабинета, перед открытой дверью я вдруг затормозилась.

– Тамара Геннадьевна, а может мне проще... это... – с трудом нашлось подходящее слово, – уступить ему.

– Кому? Петьке? – Тамара грозно посмотрела поверх очков. – Ты, Елена Алексеевна, без нормального мужика совсем одичала. Вон даже мозги уже временами сами отключаются! Ты подумай, дорогая моя, сегодня уступишь, а завтра он уже за другой юбкой бегать начнёт. Зачем тебе такой позор! Только измараешься об него и всё! Иди домой, я сама здесь с ним разберусь.

Обреченно кивнув головой, я закрыла за собой дверь. Настроения не было никакого. Ну, просто полная пустота. И тут звонок. В почтовый ящик сотового сыпались смс одна за одной. Светка вышла на связь и забрасывала меня вопросами. Договорились встретиться через час в нашей кафеш-

ке недалеко от Красной площади с романтическим названием «Вечерок».

– Светик, прости меня, – начала я сразу с извинения, – за подарком не успела заехать, весь день коту под хвост.

– Дня рождения всё равно не будет, – подруга поджала губы. – У мужа в субботу очередной корпоратив.

– И что? Причем здесь твой день рождения? Да и до Нового года еще полтора месяца, вроде рано сейчас корпоративы устраивать.

– Ленка, ты что пьяная? Ничего не понимаешь?

– Вообще-то, да, – честно призналась я. – Пьяная. Немного с начальством коньяка выпили, а поесть за целый день ничего не успела. Вот голова и закружилась.

– Ну, понятно. Давай закажи что-нибудь, пока я тебе доходчиво всё буду объяснять.

Молоденькая девушка в униформе принесла гамбургер и кофе через минуту. Я стала молча есть и сосредоточено слушать разъяснения Светика.

– Толик летом в новую кампанию устроился. Какие-то высокие технологии, связь, телефоны, ну, помнишь, я уже тебе это рассказывала... – я только кивнула головой. – Так вот. Генеральный директор недавно вернулся из Парижа с ноу-хау. Чтобы сплотить трудовой коллектив, устраиваются соревнования по производственным отделам на какую-нибудь тему, за месяц подсчитываются какие-то там балла, а вот потом по окончании конкурса проводится корпоратив на при-

роде или в недорогом ресторане, и все радостно празднуют это событие.

– Какое событие? – решила я уточнить.

– Коллективной сплоченности.

– Бред чистой воды, – хмыкнула я сопливым носом и продолжила пить кофе.

– Может, и бред. Но в эту субботу такой корпоратив директор проводит на своей территории за городом, вроде в Одинцово, я точно не помню, Толик рассказывал, в большом красивом доме. На природе-то похолодало последнее время...

– Ну, можно и так сказать, – мне снова посчастливилось вставить в оду подруги своё слово. – Светочка, только это называется не за городом, а у чёрта на куличках. Туда же полдня надо ехать!

– А что делать? Толик отказаться не может. Прошел слух, что несколько человек хотят уволить в целях экономии бюджета новой программы. А я уже всю родню на выходные пригласила, чтобы день рождения отпраздновать, да и дочка приболела, простуду прихватила в школе. В общем, у меня завал. Из-за этого чертова корпоратива всё прахом пойдёт. Ну, выручи меня, пожалуйста, очень прошу...

Она молитвенно сложила руки и закатила глаза к потолку.

– А я-то что могу? – изумилась я. Логическая мысль здравого смысла под конец Светкиного повествования совсем ушла в никуда, оставив только догадываться: какая решаю-

щая роль в этой аванюре отводилась собственно мне?

– Поедешь с Толиком на корпоратив.

– Я?!

– Вместо меня. Там все с супругами должны быть для большего сплочения коллективного духа, так сказать. Бред, конечно! Но что делать? Ну выручи, Леночка! Кого мне ещё просить?

– А я тут при чем? Ты лучше Маринку попроси. Она эффективная и праздники любит. Ей все равно, где гулять! – честно говоря, идея Светки провести выходной день хоть даже и с Толиком, но в окружении совершенно незнакомых и чужих людей, меня совершенно не прельщала. Даже наоборот, повеяло жутким одиночеством, холодом и зря потерянным временем. Я даже успела подумать: «Пропал выходной». Но подруга есть подруга. Да и день рождения кстати пришелся. Нужно было что-то класть на алтарь женской дружбы и как можно скорее.

– Маринку я уже просила, – призналась Светка. – Она отказалась наотрез. У неё новый бойфренд, на выходные едут в Питер.

– Ну, хорошо, – сдалась я. – За город на чём мы поедем? Машина есть?

– Есть! Толик заедет за тобой пораньше. Он товарища попросил подбросить вас по пути. Туда часа три надо добираться. Пробки в пять полос, да еще по проселочной дороге минут пятнадцать.

– Боже мой, – изумилась я не на шутку. – Потратить полдня только на дорогу!

– А ты как хотела! – взвизгнула Светка. – У богатых свои причуды. Чем дальше от Москвы, тем круче задница.

– А что надевать? – мой вопрос был уместным, у Светика загорелись глаза.

– Наряд вечерний! Это Толик просил передать. Там ещё у директорской дочки намечается чествование дня рождения. Предполагается небольшой праздник.

Встретив мой изумлено-ошарашенный вид, подруга добавила.

– Ну, и что здесь такого! Всё к одному! И корпоратив на фирме, и день рождение дочери.

– Так ведь нужен подарок, – напомнила я. – Игрушка какая-нибудь или кукла.

Тут уже Светка вытаращила на меня глаза.

– Какая кукла? Ты, мать, совсем сегодня не в теме! Девочке семнадцать! Ты ещё погремушку с соской купи... Но подарок нужен, это факт.

Мы обе призадумались. Что сейчас интересно семнадцатилетней девушке, у которой папа генеральный директор не последней в Москве фирмы последних компьютерных технологий и ещё недавно вернулся из Франции? Ответ быстро не приходил. Мы приуныли.

– А у Толика какие-нибудь идеи есть? – я глупо понадеялась на интеллект компьютерного гения.

– Какие идеи! – отмахнулась Светик. – Он своей-то дочери никогда подарков толком не делал, всё я придумываю каждый раз, что дарить.

– Понятно. Хорошо. – Подытожила я конец нашей встречи. – Выручу тебя, так и быть. И с подарком что-нибудь придумаю.

– Я знала, что ты меня не подведешь! Настоящая подруга... Так, а у тебя-то как дела на работе, да и вообще? – ради приличия Светик решила поинтересоваться и моими проблемами.

– Всё ок! Ничего нового! – Я изобразила на лице подобие улыбки. Рассказывать ей о выходке финдиректора, совершенно не хотелось. Сразу начнётся: ах да ох! Какой подлец! И где такие только плодятся! Начнутся пустые советы, пожелания, предупреждения, и Светкина фантазия занесёт нас туда, куда не то, чтобы Макар телят не гонял, а даже и места такого на карте не найдёшь.

– Знаешь, мне почему-то кажется, что у тебя скоро всё изменится, – Светик мило улыбнулась и захлопала ресницами.

Я поперхнулась кофе. Вот тебе раз! Значит, ошиблась Тамара Геннадьевна, не получится ей с Петей всё уладить. Неужели придётся увольняться из-за этого похотливого козла, и как назло перед самым Новым годом. Полгода буду дружную работу искать!

– Ты с чего это так решила? – осторожно поинтересовалась я на всякий пожарный случай.

– Не знаю, – последовал глупый ответ. – Само как-то показалось. Все уже кругом устроились давно, только ты у нас одна осталась. И год как раз подходящий, твой год...

Ну, допустим, год был совершенно не мой, мой прошел два года назад без всяких изменений. А нет, вру! В мой год как раз от меня-то Мишаня и ушёл. Но Светке я перечить не стала, чудится ей, кажется – пусть! Меньше потом вопросов будет, мне же лучше.

Телефонный звонок от Толика вернул нас в реальное время.

– Ух, поздно уже, – засобиралась Светка. – Еще домой добираться целый час. Ну, всё пока, созвонимся! Смотри, не подведи меня, я на тебя надеюсь...

Расцеловавшись с ней в обе щеки, мы простились. Ну, вот! Даже с днём рождения забыла подругу поздравить! И подарок забыла купить... Я огляделась по сторонам. Кругом за соседними столиками шумела молодежь, чинно восседали три семейные пары с маленькими детьми, но уже без праздного веселья, на их лицах четко отпечатались печать рутинной семейной жизни: скучные, вялые, равнодушные друг к другу. Видимо, и тут золотой середины нет. Такая одиночка, как я, была одна. Женщина чуть постарше моих лет сидела полуоборотом ко мне и задумчиво мешала в бумажном стакане холодный кофе. Её одежда ничем не отличалась от одежды остальных посетительниц, только бросались в глаза тонкие длинные пальцы, усеянные многочисленными коль-

цами. Женщина была ухоженная, с идеальным макияжем и причесанными до блеска короткими волосами. Она делала какие-то записи остро отточенным карандашом в небольшом блокноте, лежащим перед ней на столе. Мимо проходили студенты, один в шутку толкнул другого, тот задел стол, и бумажный стакан упал на блокнот. Кофе пролился аккуратно на верхнюю страницу. Молодежь этого даже не заметила, пошла дальше, а женщина, тихо выругавшись одними губами, подхватила сумочку и встала из-за стола. Испорченный блокнот вместе с карандашом полетели в корзину для мусора. Незнакомка удалилась из кафе, гордо неся голову. Я как будто видела себя со стороны. Да, вот такие мы: независимые, гордые и одинокие! И никто нам не нужен на самом деле, ни Петя, ни Светик, и тем более Толик с его корпоративом.

Домой вернулась в ещё худшем настроении, чем уходила утром. Одна навязчивая мысль не давала мне покоя. Это даже была не мысль, не идея, а только её едва уловимый след, за который я никак не могла ухватиться и хорошенько раскрутить, чтобы понять, какая вещь меня беспокоила больше всего. И только уже уложившись в постель под теплое ватное одеяло, я решила пойти на полное обследование своего задерганного за целый день самосознания. Упражнение для новичков в психоанализе: нужно лечь, закрыть глаза, вытянуть руки вдоль тела, расслабиться. Что может быть проще! Ан, нет! Вот тут самое сложное: поочередно нужно мыслен-

но перебирать в памяти все события прошедшего дня и прислушиваться к своему нервному центру. Если проблемы мелкие и несущественные, ничего не произойдёт, вы будете лежать и как бы со стороны спокойно созерцать своё внутреннее состояние. Если же появляется то событие, которое вас гнетёт, тайно раздражает и тяготит, где-то внутри зазвенит тоненький слабенький колокольчик, но от его звука вся нервная система придет в беспокойство, и причина внутреннего напряжения и неудовлетворения будет, как говорится, выявлена и обнародована. После целого утомительного дня никаких эмоций уже не возникало, даже Петя как-то померк и не вызывал в душе такого ужаса, который я ощущала всего несколько часов назад. Но лишь вспомнилось о выходном корпоративе, и колокольчик тут же зазвенел в левом виске, а неуловимая мысль, тревожившая меня весь вечер, обрела четкость, ясность и даже материализовалась в слова: «Мне нечего надеть!»

Глава 2

Работающей женщине, которая пытается в наше время прокормить себя исключительно плодами своего труда в офисе, даже не имеющей семьи, а вместе с этим и дополнительных хлопот, очень трудно уследить за модой. Она приходит к ней в виде коллег по работе или подруг на званых ужинах. Во что те одеты, то, в принципе, и модно. Но это, конечно, если все другие следят за модными журналами и показами последних коллекций. Зачастую бывает всё просто: что купила в бутике, то и модно. Меня такой подход к своему внешнему виду бесил всегда. Женщины наши если и одеваются, то или очень просто и безвкусно, или совсем наоборот, очень ярко, дерзко и вызывающе так, что любой проходящий мимо мужчина может свернуть себе шею, глядя такой моднице вслед. Здесь надо обратить внимание на толпу или в метро, или на остановке общественного транспорта. Все женщины одеты в какую-то бесформенную массу, особенно молодые девушки, их невозможно отличить друг от друга, как птенцы из инкубатора. Одинаковые джинсы, уродующие ноги и, пардон муа, попу, дутые куртки и шапки, натянутые на всё лицо. Об обуви даже и не говорю. Она стала некрасивой, непонятной, а временами немного пошлой, но все кричат о том, что такая обувь сейчас и модна. И всё-таки положить взгляд, как говорили в старину, не на ко-

го! Редко среди толпы встретится такая, которая выделялась бы своим внешним видом в самом лучшем смысле и радовала бы глаз. Советские годы отобрали у наших женщин в одежде индивидуальность, предлагая на скудных вешалках ГУМА всё одинаковое, умеренных тонов и не лучшего качества. После девяностых на рынок хлынула волна польского ширпотреба, турецкого пошива, а затем и просто явного тряпья китайского исполнения. И опять всё не для нас! Одежды стало больше, появился выбор, цвета кофточек и юбочек затмили всю природную палитру, пестрые платья различных фасонов просто поражают своим количеством, но одеться модно также сложно, как и тридцать лет назад. Более того, наши женщины всё также стараются выбрать в элитных магазинах удобные невзрачные джинсы, под них какую-нибудь подходящую кофточку или свитерок, а ножки мы обуваем в то подобие прабабушкиных лаптей только с новым названием «балетки». Всё! Но если грядёт Новый год или юбилей лучшей подруги, то тут уж конечно, то тут уж обязательно, мы идем в магазин и тащим с собой мужа для консультации, мол, посмотришь на меня со стороны. И можем не задумываясь потратить кучу денег на абсолютно никчемное платье, которое надев один единственный раз, мы уже больше никогда в жизни не захотим его надевать! Где логика? Откройте свой шифоньер, пересмотрите свои наряды, узнаете? Очень много лишнего пылится и поедается залетной молью в наших шкафах. А выбросить жалко, да и зачем, а вдруг приго-

диться? Пусть весит.

Если начать модно одеваться, то нужно в корне менять уклад жизни. Нелепо вышагивать на высоких каблуках и напрягаться при этом от тяжести пакетов из супермаркета. Или лезть в полную маршрутку в бежевом кашемировом пальто от Габбана. Это не для простых смертных. Только женщина, имеющая индивидуальный способ перемещения, хотя бы в виде «Рено», может не задумываясь купить себе норковое манто и мягкие замшевые туфли на приличном каблучке. Всякая другая десять раз подумает, стоя перед ценником этого манто: «Куда и главное *как* я буду это носить за сто тысяч (всего лишь) несчастных рублей». Одним словом, вся эта роскошь была не для меня.

Выспавшись почти до десяти утра, не торопясь, испив большую ароматную кружку растворимого капучино, быстро проглотив при этом пару бутербродов (овсянку по утрам с детства терпеть не могу), я начала решать свою проблему с основной и, на мой взгляд, главной детали, а именно – туфли! Тем более что их у меня было предостаточно. Кто-то любит собирать редкие марки, кто-то дрожит над своей уникальной коллекцией бабочек, а я люблю покупать туфли – разные, но модные, такие, что обычно на улицу не наденешь. Люблю их мерить, выбирать из сотни вариантов, прохаживаться в них по мягким коврикам дорогих салонов и... покупать. Я даже где-то читала, что эта болезнь и у неё есть название, но вовремя успела позабыть. Вообще, между нами

говоря, если женщина вдруг ни с того ни с чего идет в магазин и покупает лишнюю пару обуви, значит, это кому-то обязательно нужно!

Достав с верхних антресолей многочисленные коробки, я стала не спеша вытирать с них пыль, пока не добралась до заветной коробки с лакированными черными с серебряными треугольниками на носках, ни разу не надёванными, новенькими итальянскими туфлями. Примерила, топнула пару раз ножкой в ковёр, прошлась по комнате между разложенными коробками – шик, блеск, красота! Половина дела была сделана, оставалась самая малость.

Насчет выбора платья у меня тоже сомнений не было. Раз намечается торжественная вечеринка, то и наряд должен соответствовать: просто, но со вкусом. Маленькое черное платье от Шанель здесь было как раз кстати. Купить я хотела его давно, но все откладывала, да и подходящего случая не было. У женщины новое платье, как и новая прическа, обладает чудодейственной силой. Оно может буквально обнулить всю, до этого момента, прошлую жизнь и начать всё с чистого листа, ну, хотя бы на ближайшие три дня. В новом платье женщина чувствует себя по-другому, совершенно по-другому говорит, и даже походка у неё может измениться, ну так, во всяком случае, ей самой кажется. Здесь вся загадка заключается в настроении, новых эмоциях и, конечно же, в восхищенных взглядах окружающих. Предвкушая это удовольствие, я с легким сердцем отправилась в галерею мага-

зинов, чтобы не пропустить ни одного приятного момента.

Шанель удивляла меня всегда. Великая женщина с великими идеями! Прежде чем одеть своих соотечественниц в простые, удобные, и мало того, элегантные наряды, ей пришлось их полностью раздеть! Она избавила нас от тугих корсетов, огромных панталон, жестких юбок с обручами и ненужных широких шляп. Шанель обнажила красивые женские ноги, руки, шеи. Даже короткая стрижка с небрежными завитками волос – марка Шанель! Тяжелые длинные волосы, уложенные шапкой на макушке, уже кажутся смешными и устаревшими. Женщина, которая любила свободу во всём, дала эту свободу всем! Она первая надела легкие широкие брюки и длинный пиджак, не побоялась осуждающих взглядов не столько мужчин, сколько старых матрон, закоренелых в своих допотопных нравах. А многочисленные бусы из дешевого жемчуга только подтвердили её гениальность. Все эти «драгоценности» можно было носить прилюдно и не бояться, что их украдут, или нить может нечаянно порваться, а бусинки разлетятся под ноги невнимательным прохожим. За сто лет уже многие забыли, что всё, что сейчас носит современная женщина, было придумано ею, бессмертной Габриэлой Шанель!

Оригинальное платье моего размера нашлось только в третьем салоне высокой моды. Элегантный покрой, дорогая ткань, фирменная пуговица дома Коко Шанель – всё соответствовало моим требованиям. Заплатив по банковской

карте весьма немалую сумму, я осталась довольна своей покупкой. Оставалось одно: купить подарок для семнадцатилетней девушки. Смело отбросив тот факт, что её отец скорее всего богатый и успешный человек, владеющий солидной фирмой, я, путём простой логики, пришла к тому, что она ни в чём с таким родителем нуждаться не могла. Новый планшет, телефон, компьютер это было уже всё дарено ей и не раз, в этом я не сомневалась ни секунды. Чего же может не хватать в наше время подростку, тем более юной девушке? Ответ напрашивался сам собой: общения с такими же юными, но в меру взрослыми девицами, как и она сама. А этому искусству нужно учиться. В огромном книжном супермаркете я подобрала несколько книжек на тему: «Как обрести друзей, познать себя и не нажить врагов» и тому подобное, попросила продавца перевязать всё красной лентой и упаковать в подарочную бумагу лондонского образца. Получилось очень весело, стильно, а главное, со смыслом. Довольная сама собой, как паровоз, я вернулась домой и решительно набрала номер Иришки.

– Ирина Владимировна, можно Вас отвлечь на пару минут? – не удержалась, хихикнула в трубку.

– Перезвоню, – суровый голос подруги испортил моё в кои-то веки приподнятое настроение.

Не вовремя я позвонила, впрочем, как всегда. Иришка после новой должности сама на связь уже не выходила, приходилось мне самой постоянно названивать ей и уговаривать

повидаться хотя бы раз в месяц в кафе или на какой-нибудь праздник у меня дома. Она полностью соответствовала своей новой высокой должности. Говорила кратко, всё по делу, редко улыбалась и дольше часа никогда уже не задерживалась. Мы со Светкой не роптали, должность есть должность, пусть руководит.

– Ленюк, что хотела? – через полчаса Ириша была на проезде.

– Я по делу, – предупредила сразу, чтобы бизнесвумен не бросила трубку раньше времени. – Ты в прошлом году белое манто покупала...

– Ну...

– Еще не выбросила?

– За пять тысяч евро!?! Ты что, с ума сошла? Зачем выбрасывать?

– Тогда одолжи на один день, – взмолилась я. – Очень надо! Просто вопрос жизни и смерти!

– И кто он? – логичный вопрос подружки лишил меня дара речи.

– Он?

– Ну да. Ради кого ты решила так приодеться?

– Ой, Ириш, да нет у меня никого. Я с Толиком еду на званый ужин к его директору. Нужно выглядеть соответственно... Ну, выручи, пожалуйста, – пришлось добавить немного плаксивых ноток в голосе.

– Хорошо, сирота казанская, заезжай вечером ко мне.

Оденем, как королеву.

Всё! За один день я успела сделать то, что не смогла бы и за неделю, и наряд подобрать, и подарок купить. Сегодня четверг, значит, ещё целый день можно валять дурака. И тут же в узком коридоре споткнулась о тяжелый пакет с документами. Не поваляешь...

– Тамара Геннадьевна, здравствуйте! Как мои дела? – я решила позвонить первой и справиться о своей дальнейшей судьбе.

– Всё нормально, – ответ обнадёживал, – бегаёт с утра по кабинетам, ищет какие-то отчеты и тебя заодно!

– И вы говорите, что всё нормально? – мой воспаривший дух сразу же вернулся на пустынную землю.

– Ничего страшного не происходит, – отозвалась главбух, – успокойся. Я сказала, что ты приболела и взяла работу домой. Так что готовь на пятницу примерный отчет по управленческому учету и не забудь статистический прогноз на первый квартал будущего года.

– Может мне за это время новую работу подыскать? – засопела я в трубку.

– С ума сошла? (Я стала подсчитывать: второй раз за день мне задавали этот вопрос). Ты женщина или что? Думаешь, мы с ним не справимся! Ошибаешься, дорогая. И не таким баранам рога обламывали! Мой тебе совет – пережди. У тебя что, дома дел нет? Полы помой, занавески постирай, цветы полей, на крайний случай займись собой. Пройдись по мага-

знам...

– Да сходила уже, – буркнула я в трубку.

– Молодец! Тогда ноготочки, перышки там почисть и всё такое... в салон красоты сходи, не мне тебя учить, дерзай! Да, забыла совсем, утром слух прошел, что генеральный выделяет пять путёвок в Пекин на Новый год. Возможно, и твой Петя туда полетит.

– Тамара Геннадьевна, – обиделась я, – во-первых, он не мой, а во-вторых до Нового года почти полтора месяца. Сегодня только одиннадцатое ноября, – напомнила я ей. – Сколько мне на больничном-то сидеть?

– Ах, да! Больничный отменяется, дорогая моя. Ты с сегодняшнего дня в производственном отпуске. Только что приказ на тебя подписала.

– Это как? – не поняла я.

– Ноу-хау! Сама придумала, дай бог, должность позволяет. Не последний я всё-таки человек в нашем, прости господи, холдинге.

– И что же вы придумали? – мысль главбуха всё же была мне не понятна. – Что такое «производственный отпуск»?

– Для тебя, дорогая моя, Елена Алексеевна, обмен опытом и повышения квалификации на дочерней фирме. Поняла?

– Вроде, да. А где у нас дочерняя фирма?

– Хороший вопрос, – вздохнула Тамара Геннадьевна и зашептала в динамик телефона. – Её пока вообще нет, она существует только на бумаге. Но для тебя я делаю исключение

и оповещаю об открытии «дочки» в городе Санкт-Петербурге раньше срока.

– Где? – я чуть не выронила телефон из рук. – В Петербурге?

– Да, – последовал спокойный ответ. – Так что поменьше появляйся в общественных местах.

– Вам за это не влетит? – я тоже перешла на шепот, в целях безопасности незаменимого главбуха. – Ведь обман и раскрыться может.

– Раньше начала года, я думаю, никто не хватится, а потом будет видно. Так что, сиди спокойно дома недели две, не меньше. Жди моего звонка.

– Хорошо, – я согласно закивала невидимому абоненту. – А что мне делать-то дома столько времени...

– Ну, уж это твои проблемы, голубушка. Я что смогла, то сделала.

– Спасибо вам, Тамара Геннадьевна, век буду благодарна.

– Ладно, сочтёмся, – короткие гудки и тишина.

Всё-таки гениальная женщина гениальна во всём! Салон красоты. Парикмахерская! Ну, конечно, как же я про неё забыла? Такое событие – корпоратив, а у меня ни лица! ни прически! ни маникюра, в конце концов! Всё нужно срочно доводить до идеала! Позвонила в ближайший салон, договорилась на утро следующего дня. Слава богу, что этот день ещё у меня был.

Поздним вечером Ириша встретила меня с загадочной

улыбкой. Пришлось за чашкой чая на кухне при закрытых дверях от всех домочадцев долго рассказывать всю нашу встречу со Светой и её просьбу выручить Толика на корпоративе.

– Ну, и молодец эта Светка! – стала возмущаться Ирина. – Спихнула на тебя мужа, да ещё и выходной день изгадила. Нечего сказать – настоящая подруга!

– Да ладно тебе, Ир, – попыталась я заочно оправдать несчастную Светку. – У неё ведь день рождение...

– Угу, – промычала в ответ Ириша, – который она благополучно зажала. Пришлось по телефону поздравлять, а планировался небольшой банкет. Ну и черт с ней. Будет без подарка.

– Я хотела книгу подарить, – промямлила я, задумчиво помешивая чай.

Ириша уставилась на меня, будто увидела в первый раз.

– Ты в каком веке живешь, какая книга? – она энергично покрутила у своего виска. – Ты ей еще разукрашку купи.

– Чем книга-то плоха? – обиделась я.

– Да ничем, в принципе. Но в наше время это уже не подарок.

– А что подарок? – я нахмурила лоб, вспоминая аккуратную стопочку психоаналитической подборки для дочери незнакомого мне гендиректора. – Что дарить-то?

– Ну, к примеру, духи, натуральную косметику, что-нибудь из интерьера, картину на худой конец.

– Ир, ты Светкин интерьер хорошо помнишь, там только картины не хватает, – упрекнула я мягко подругу, намекая, что та была последний раз у Светика года два назад.

– В конце концов, можно просто подарить деньги, и пусть у неё голова болит, на что их потратить.

– Злая ты какая-то стала, – нечаянно вырвалось у меня. – Зачем ты так? Мы всегда хорошо дни рождения отмечали и с подарками угадывали.

На кухню заглянул Андрей, муж Ириши.

– Алиса пить хочет, – извиняясь, прошел за кружкой, чуть ли не на цыпочках вышел обратно.

– Вон и муж у тебя, как дрессированный пудель, даже тапочками по паркету не шлёпает...

– Да откуда тебе-то про мужа знать? Всех разогнала давно, живешь в своё удовольствие: ни детей, ни семьи; ни клята, ни мята!

Заметив моё вытянувшееся лицо, Ириша быстро спохватилась.

– Ой, Леночка, прости, ради бога! Не подумала я! Я вообще не то имела в виду. Прости!

– Ладно, не переживай, дело прошлое, – я едва смогла разлепить онемевшие губы, принялась допивать чай. – Мне домой пора... Еще манто через весь город везти, вдруг украдут, – попыталась сгладить напряжение глупой шуткой.

– Тебя Андрей отвезёт, – Ирина решительно встала из-за

стола.

– Зачем? Не надо, не проси его, – я попробовала удержать её за руку. – На метро шесть остановок, доеду спокойно.

– Он тебя отвезёт, – в голосе Ириши звучали металлические нотки. Соппротивление было бессмысленным.

Уже в машине я виновато объяснялась с Андреем.

– Не пойму, какая муха её укусила. Зачем она тебя потревожила? Два часа на обратную дорогу по пробкам потеряешь.

– Ничего, Лен, я уже привык. Если её команду не выполню, мне же хуже будет, заест совсем.

– А что изменилось-то у вас? Это из-за новой работы она такая?

Повисло молчание. Видимо, Андрей обдумывал ответ. Проехали четыре светофора.

– Мы будем разводиться.

Вот тебе и на! Идеальная пара, счастливый брак, любовь с первого взгляда и до гробовой доски – и всё? Развод?

– А что произошло? – женское любопытство перебороть очень сложно, и я осторожно поинтересовалась. – У вас, вроде, всё нормально было...

– «Вроде», как раз про наш случай, – вздохнул Андрей.

– А дети как же? – вспомнила я про Алису и Сонечку. – Они ведь ещё маленькие.

– Когда любви уже нет, и дети не удержат, – мрачно отозвался Андрей.

Ну и дела!

– Подожди, – я начала всё с начала. – Развод ты попросил или она?

– Вместе... Понимаешь, всё как-то в один день произошло. Она вернулась с работы пораньше, и я девчонок из садика на час раньше забрал. Сели на кухне, поглядели друг на друга, и поняли, что стали чужими людьми, только дети и держат.

– Так не бывает.

– Бывает, еще и не так бывает, – Андрей остановил машину возле моего подъезда, заглушил мотор. – Так что, Леноч, может быть, ты и права, что замуж второй раз не торопишься, одной-то проще...

От кого-кого, а от Андрея я такого не ожидала! Надо же позавидовал он моей свободе и независимости, прямо черной завистью позавидовал!

– Я с тобой сейчас дискуссию разводить не буду, – огрызнулась преднамеренно зло и грубо, потянулась на заднее сидение за пакетом с манто. – Только тебе, дорогой Андрюша, одиночество-то не знакомо. И не дай бог, тебе его узнать. Спасибо! Пока!

Я хотела сильно хлопнуть дверью, но передумала, закрыла её очень нежно и аккуратно. Обошла машину и постучала в стекло водителя. Андрей нажал на кнопку, стекло медленно опустилось.

– Ты сам-то один проживешь, без Ирины, без девчонок?

Подумай, сопьешься ведь... А такой любви, что была у вас, я ещё не встречала...

Он ничего не ответил, завел машину и уехал. Я обречено поплелась домой. Уже в квартире ощутила какое-то гадостное настроение и жуткий холод. Вспомнила! Утром открыла форточку, и теперь во всех комнатах гулял осенний морозный ветер. Но закрыть её не было времени, быстро прикинув в уме, что Ириша сейчас одна и может спокойно со мной поговорить, кинулась к телефону. Первый вопрос ляпнула совершенно необдуманно.

– Ир, вы что, действительно, решили развестись?

– Лен, – отозвалась она спокойно после минутной паузы. – Всё уже решено, прощать я его не собираюсь.

– А ты не прощай, просто начни сама вести себя по-другому. Откажись от должности, наконец. Уделяй семье больше времени. Вспомни, что у тебя есть муж, дети. На работе жизнь не заканчивается, тем более, если из-за неё рушится семья...

Я могла бы продолжать долго. Психологический тренинг – это мой конёк! Но Ириша вовремя меня остановила.

– Лен, ты же не знаешь ничего.

– А что мне надо знать? – обиделась я.

– Андрей ничего тебе по дороге не рассказал?

– Почему? Рассказал! Сказал, что стали чужими людьми, устали от такой жизни, что он выполняет все твои команды...

– Лен, он мне изменил, – голос Ириши звучал приглушенно и надломлено.

В трубке повисло гробовое молчание. Я не могла поверить в услышанное. Изменил? Где? Как? С кем?

– Прости, – я чуть слышно промямлила извинения и не знала, что делать дальше, чем утешить лучшую подругу, только повторила, – прости, я не знала...

– Ничего, Лен. Это ты меня прости за сегодняшнее. Я не хотела ворошить твоё прошлое. Сорвалась просто. Давай, пока. Созвонимся...

– Пока...

Прямо в пальто я повалилась на диван, зажала руками, чтобы не разрыдаться, плюшевую подушку, уткнулась в неё лицом. Воспоминания нахлынули сами собой. Последний курс института, беспечная молодость, вечная весна, и казалось нам, что всё это будет длиться долго, всю жизнь. Нас было трое, школьные подруги из обыкновенной московской гимназии, Светик, Иришка и я. Все поступили в институт одновременно сразу после окончания гимназии, только в разные вузы. Ириша мечтала стать известным международным журналистом, Светик дорогим и успешным адвокатом, а мне нравилась русская литература. С маминого одобрения я рискнула на филфак и с треском провалилась, зато на экономическом факультете разбила все рекорды – пятнадцать баллов из нужных пятнадцати. Не хотелось терять год, пришлось учиться там, куда и не думала поступать. Светка пер-

вая забегала с факультета на факультет. С начала юрфак, потом перевелась на исторический, в итоге так ничего и не закончила, последние два года работала менеджером по продажам в огромном бытовом супермаркете. За ней и Ириша перехотела быть известным журналистом, закончила издательское дело, в результате осела в одной редакции и только через десять лет смогла пробиться в издательский дом «Феникс». Тот день, когда она познакомила нас с Андреем, помню хорошо. Был очень солнечный день, ни одной тучки на небе. Предполагалось катание на лодках и пикник в центральном парке, но Иришка пришла не одна. Появление Андрея было полной неожиданностью, Ириша ничего про него нам не рассказывала, поэтому мы со Светиком стояли с разинутыми ртами и во все глаза, не стесняясь, рассматривали Иришкино увлечение. Было, конечно, на что посмотреть! Вежливый, в меру элегантный, рост, вес, цвет волос подходили по всем параметрам, улыбка, словно с обложки глянцевого журнала, а низкий с хрипотцой голос хотелось слушать бесконечно. К концу пикника мы были безмерно счастливы за Иришку и завидовали ей самой, что ни на есть, белой завистью. Да и было, чему завидовать. Они оба просто светились от своей любви, глаз друг от друга не отрывали, вместе смеялись, вместе молчали, а если кто-то собирался заговорить, то и другой в ту же секунду начинал что-то рассказывать, оба замолкали и нежно смотрели друг на друга. Помню, мы со Светиком обрыдались, пока домой вечером доехали,

так нам обидно было, что никому из нас такой парень не достался. Поженились они быстро, через три месяца. Свадьба была большой, веселой, хлебосольной. Пара на загляденье оказалась красивой, подходили они сильно друг другу, все об этом только и говорили. Родители помогли с квартирой, что-то там обменяли и предоставили молодым новое жильё. Мы часто заходили к ним в гости на праздники, дни рождения и просто без всякого повода побыть хотя бы рядом возле такого счастья, такой огромной любви. Всегда нам было весело, вкусно (Иришка хорошо умела готовить) и ужасно тепло в их уютной квартирке. Но это было тогда, десять лет назад, а теперь... Свет от ночника из коридора пробивался через полуоткрытую дверь в комнату и желтой прямой полосой чертил линию на стареньком ковре. Я долго смотрела на этот свет, пока уставшие глаза закрылись сами собой. Сколько я проспала, не помню. Когда проснулась, была уже полночь, я дрожала от холода...

Закрыв настежь распахнутую форточку, побрела на кухню. Крепкий кофе, сладкая конфета, (но без сигарет) – верные друзья одинокого полуночника. Разложив на столе бумаги и папки, открыв ноутбук, я погрузилась в спокойный мир таблиц, сводных ведомостей, диаграмм и цифр. Утомительная умственная работа делает чудеса – нервы успокоились, мысли обрели четкую последовательность. И к пяти утра я пришла к выводу: Ирина и Андрей взрослые люди, пусть сами и разбираются со своими проблемами. Я никуда влезать

не буду, только сделаю хуже. В девять часов, как ошпаренный, зазвонил будильник. Проснувшись я за тем же кухонным столом, щека прилипла к сводной ведомости, спина и шея в неудобной позе затекли и болели. Но... новый день, новые заботы и запланированный визит в салон красоты!

Когда женщина, между прочим, говорит, что ей необходимо сходить в парикмахерскую только для того, чтобы немного подровнять концы волос, мужчина должен сразу же настрожиться. Нет, конечно, в этом ничего такого плохого ещё нет, но... По большому счету, женщина идет в салон красоты, чтобы хоть что-то поменять в своей жизни. Мужа, детей, свекровь менять уже поздно, гардероб достаточно дорого, а вот прическу – это как раз тот случай, и по средствам, и с претензией на новый взгляд на жизнь. Те божественные три часа в салоне красоты, где вокруг тебя такие же несчастные серые мышки, которые надеются выйти отсюда, как минимум, королевами; где в воздухе носится неповторимый запах всех смешанных косметических средств от ацетона до лака для укладки волос; где шум фена сродни звукам арфы Орфея, проносятся для нас, как одно мгновение. Но за это время (ловкость рук мастера и никакого мошенничества!) женское настроение меняется в лучшую сторону, мысли очищаются и приобретают совершенно другое направление, а главное наверняка происходит ожидаемая метаморфоза – другая прическа, стрижка, завивка, что угодно, даёт новый толчок к счастливому восприятию, хорошему настроению, к даль-

нейшей жизни и вечной борьбе!

Только глупый и недальновидный мужчина может сказать жене: «Ты в этом месяце уже подстригала кончики волос, смотри лысой не останься». Глупец! Как вообразить ему, что после посещения салона красоты у жены его будет превосходное настроение еще несколько дней, и может быть, по женской доброте душевной и ему, вечно ноющему и брюзжащему на потертом от его же штанов диване, что-нибудь да перепадёт!

Отправив через интернет главбуху все сделанные за ночь отчеты, в десять часов утра я бегом, на всех парусах, неслась в парикмахерскую под название «Шехерезада». Салон красоты высшей категории это заведение, конечно, было трудно назвать, но цены были приемлемые и мастера не хуже, чем в элитных салонах, да и результатом я всегда оставалась довольна. Зачем же переплачивать? В общем, цена и качество меня устраивали, чего же боле?

– Как будем на этот раз? – лаконично поинтересовалась Лариса, неопределенного возраста парикмахерша, чьей клиенткой я была уже лет пять. – Только концы стричь будем или радикально меняться?

Я пожала плечами. Дилемма! Хотелось, и поменяться, и слишком много не остричь. Нужна середина!

– Может, что-то обновим, но не сильно, – я с надеждой полностью положила на профессионала.

– А что за повод? – какая-то логика всё-таки присутство-

вала в этом вопросе, и я решила ничего не утаивать.

– Завтра еду с другом на корпоратив.

– А...а, – задумчиво протянула Лариса, распутывая мои концы. – А я грешным делом подумала уже, что у вас юбилей.

– Какой юбилей? – я сидела в кресле и смотрела на Ларису через зеркало.

– Сорок пять, – парикмахерша смотрела на меня также через зеркало, наши взгляды встретились. – В основном все к юбилеям обновляются.

Сорок пять! Господи, приехали! Мне же нет еще и тридцати восьми!

– До юбилея мне еще далеко, лет сто, – я попробовала отшутиться, но шутка не получалась. – А что, я так плохо выгляжу?

Лариса осмотрела меня со всех сторон, обошла кресло.

– Да, в принципе, нет. Цвет не ваш, старит немного, – ответила она как-то с ленцой и даже попыталась зевнуть.

Немного! Почти на восемь лет! Я чуть с кресла не упала.

– Вы же меня уже пять лет таким цветом красите.

– Ну, вы сами его и выбираете, – Лариса поджала губы. Назревал скандал!

– Хорошо, – я старалась успокоиться и найти правильное решение. – Что мне подходит, давайте думать!

Через десять минут возле моего кресла собрался целый консилиум. Все мастера во главе с администратором выби-

рали мне новый цвет волос. Даже уборщица оставила свою швабру и кричала больше всех, что темный каштан давно устарел, а в моде сейчас сливочный мокко.

– Сделай ей темные пряди на светлой макушке! Лучше отстриги шею и открой уши! Мелирование ещё пойдет, у неё седина уже лезет! И челку по-другому подровняй, креативней, наискось!

Это всё неслоь на меня со всех сторон, и я стала медленно вжиматься в кресло. Лариса, словно на кастинге, выслушала все предложения, пока мастера не разошлись по своим местам, включая администратора и уборщицу. Она достала палитру красок и пальцем ткнула в искусственную прядь.

– Вот этот будет как раз.

Я посмотрела на себя в зеркало, оценила свой темный каштан и мысленно примерила предлагаемую светлую медовую карамель. Ну, а почему бы и нет? Такая смелая мысль знакома каждой женщине. В конце концов, что я теряю? Не понравится – можно всё вернуть обратно через месяц. И я согласно кивнула головой.

Мои четыре божественных часа на Олимпе красоты пронеслись, как пять минут. Домой я вернулась уже во второй половине дня счастливая, довольная, а главное, совершенно не жалела о потерянном времени. Красота, действительно, страшная сила, если она ещё направлена на благие цели и дела.

Взглянув на себя в зеркало, повертевшись и так, и эдак, я

решила примерить всё и сразу. Пройтись, так сказать, генеральной репетицией. Надев платье, туфли, Иришкино манто, я осторожно подошла к зеркалу шкафа. Благо дело, оно было во весь рост и пришлось к месту. Зрелище было просто отпадным! Всё это богатство мне как-то шло, всё сидело как по меркам, и смотрелось очень даже комильфо. Да ещё бы! Кому не подойдут меха за пять тысяч евро! Скинув с плеч манто, я оценила прическу и платье. Светлые завитые до плеч кудри оттеняли строгие линии черного вечернего платья, но всё равно оставалось ощущения чего-то незавершенного в этой гармонии. Нужно украшение! Как же я забыла!!! Два дня потеряны впустую. Куда теперь бежать и что делать? Это не роман Чернышевского, это посложнее будет. Украшения не любила и не носила. От серёг болели уши, от колец неме-ли пальцы, цепочки с кулонами на дух не переносила. Но против приличной броши никогда ничего не имела. Скинув туфли, я пристроила низкую табуретку к шкафу и с верхней полки, загруженной всяким старым, но нужным, хламом, вы-тащила маленькую шкатулку. «Бабушкино наследство» – так мы с Лёлькой в шутку прозвали эту старинную вещь. Чего там только не было: и потёртые бусы из стекляруса, и сереб-ряные сережки с дешевыми камушками, французская булав-ка с рубином, и два медных крестика. Под всем этим старьём я раскопала небольшую серебряную брошь в виде скрипич-ного ключа с пятью жемчужинами. Серебро от времени по-темнело, жемчуг помутнел и стал тусклым. Я с досадой от-

швырнула шкатулку, присела на диван. Повертела в руках брошь, оглядела со всех сторон. Приложила к платью. Вроде бы даже и ничего. Ну, если только хорошенько всё очистить?

На ночь глядя помчалась в торговые ряды искать лавку недорогого ювелира.

– Металл спасти можно, – прогундосил себе под нос лысый старик в зеленом замусоленном халате. – Но жемчуг плоховат...

– А если заменить его на новый? – поинтересовалась я, пытаюсь просунуть голову в полукруглое окошко ювелирной будки.

– А зачем оно вам? – расслышала я мудрый ответ. – Это дешёвка, стоит копейки. Лучше купите что-нибудь более современное. В магазинах сейчас такой огромный выбор, ни то, что тридцать лет назад.

– Вы не понимаете, – продолжала я настаивать, – мне нужна именно эта брошь. Сколько стоит реставрация?

– Реставрация? – удивленно переспросил ювелир и поднял на меня глаза. – Она ничего не стоит, как и эта вещь.

– Мне не важна цена.

– Вы подождете? – спросил ювелир. Я кивнула головой. – Попробую очистить металл... Подойдите через час.

Целый час пришлось ходить по соседним магазинам, празднично глазеть на витрины и проезжающие мимо авто. Прогнувшись от назойливого дождя и сырости, я зашла в придорожную кафешку. Запах свежего кофе просто сбил с ног. Но

моя месячная порция была выпита прошедшей ночью за отчетами, поэтому я заказала только зеленый чай без сладкого, чем вызвала явное недовольство юного официанта.

Когда же через час я снова возникла у окошка ювелира, старик принял меня совершенно по-другому. Стал улыбаться и даже привстал со своего стульчика, чтобы быть ближе ко мне.

– А не хотите ли, уважаемая, продать эту брошь? – его вопрос меня просто ошарашил, если не сказать больше. Целую минуту я соображала.

– Зачем? Ведь она ничего не стоит, – пролепетала я.

Старик замялся, опустил глаза. Что-то он темнил, не договаривал. Я насторожилась и внутренне вся собралась, быть обманутой на пустом месте, а именно, на дешевой, пусть даже и старинной, ювелирной вещи – это новый повод для насмешек моих подруг. Вечно я попадаю в какую-нибудь историю!

– Я тут покопался в старых альманахах, – заискивающе продолжал улыбаться старик и подsunул мне под нос желтый газетный журнал с блеклыми фотографиями дорогих украшений. Журнал был на иностранном языке, я ничего не поняла, но ювелир ткнул пальцем в маленькое фото, где я с большим трудом рассмотрела свою брошь. Под фотографией была надпись на французском языке.

– Что здесь написано? – поинтересовалась я, зная, что вряд ли мой французский сослужит мне хорошую службу.

– Здесь имеется описание вашей броши, – почему-то зашептал старик, оглядываясь через плечо. – В точности указаны размеры каждой жемчужины. Серебро не стоит больших денег, но в целом вся вещь представляет собой немалый интерес.

– И сколько вы дадите за свой интерес? – я спросила просто из любопытства, продавать брошь не собиралась. Все деньги я потратила на платье и новое украшение все равно бы не купила. Носить дорогие вещи не хочу, будет потом лежать в бабушкиной шкатулке и пылиться...

– Моя цена двести тысяч рублей, – слова ювелира с трудом пробились через мои умственные соображения.

– Сколько? – усмехнулась я.

– Вы зря смеётесь, уважаемая, – старик обиделся, спрятал свой журнал под стол и уселся на стул. – Больше меня в этом городе вам никто не даст...

– Я не собираюсь продавать свою брошь. Сколько стоит ваша работа?

– Три тысячи, – равнодушно отозвался старик.

– Сколько? – я чуть не подскочила на месте. Это за «просто почистить серебро» три тысячи рублей! Я надеялась на рублей пятьсот, не больше. – Почему же так дорого?!

– Я могу вам дать двести тысяч, – снова стал торговаться ювелир, – даже двести пятьдесят...

Я молча выгребала из кошелька все наличные деньги, была взбешена до чертиков и вдаваться в полемику с едва зна-

комым человеком совершенно не хотела.

– Вот вам три тысячи! Где моя брошь?

Старик положил передо мной бархатную тряпочку, осторожно развернул...

Только придя домой, я смогла спокойно раздеться, успокоиться, включить ночник над журнальным столиком и достать из сумки бабушкину брошь. Развернула бархатку и долго смотрела на свою драгоценность. Красота была, может быть, и не столь великой, но бесспорно завораживала. Ювелиру удалось вернуть блеск благородного металла, и теперь очищенное серебро ярко сияло при свете ночника. Я бросилась к письменному столу, покопалась в ящике и отыскала там лупу. Под увеличительным стеклом скрипичный ключ стал раскрывать все свои тайны. Верхняя часть была завитая спиралевидными канатами, а нижняя маленькими лепестками. Жемчужины были расположены в овальном центре ключа, словно ноты, от большой к меньшей, но всего их было пять штук, двух для полной октавы не хватало. Да и сами жемчужины выглядели совсем по-другому – словно изнутри светились перламутровым блеском. Ювелир просто совершил чудо, вернув броши первоначальную красоту. Зря я пожалела о трех тысячах! Но мне предлагали двести, даже двести пятьдесят!

Открыв на кухне ноутбук, я за скромным ужином стала копаться в прошлом известных ювелирных домах всей Европы. Просидев весь вечер перед экраном компьютера, я так

ничего и не нашла, что помогло бы мне раскрыть загадку бабушкиной безделушки. Не надеясь на свои силы, позвонила маме.

– Привет, пропавшая! Как твои дела? Как работа? Ты не болеешь, на улице холод, одевайся теплее! У Лёльки малышка уже заболела. Подцепила в садике какую-то заразу... – это всё неслось из трубки без остановок и знаков препинания.

– Ма-ам... – пыталась я остановить красноречивый поток последних событий вперемешку с заботой о старшей дочери.

– Отец тебя спрашивал, уже сердится, что ты за целый месяц не заехала к нему. Совесть имей, работа – работой, но об отце не забывай, тем более, к нему заехать тебе проще, чем нам добираться из Видного, один квартал от метро...

– Ма-ам... – я попыталась еще раз. – Откуда у бабушки брошь в виде скрипичного ключа?

– Это с жемчугом? – наконец-то меня услышали.

– Да.

– Не знаю. Тебе зачем? Все уже умерли, и баба Маша, и Зинаида Петровна, моя крестная, и сын её Федор, спросить не у кого.

– Может это подарок деда? – навела я её на другую мысль.

– Может и подарок, – согласно отозвалась мама, – кто теперь вспомнит, нет уже никого...

– Ты как, не болеешь?

– Некогда болеть. Лёлке помогаю с малышкой, да еще переводами подрабатываю, – в голосе матери звучала уста-

лость. – На кафедре часов добавили, всё какие-то деньги.

– Ночами сидишь, наверное, – догадалась я.

– А когда же ещё, только ночью у нас и покой, когда все спят.

– Ладно, передавай всем привет. Я к вам на следующих выходных прискачу, а к отцу среди недели заеду, у меня сейчас свободное время появилось.

– Тебя уволили?

– Почему сразу о плохом, мама!

– В наше время только плохое и ждешь. А работу ты часто меняешь.

– Так получается, я не виновата, – попыталась оправдаться я.

– Хорошо, – обреченно неслось из трубки. – Ты девочка уже большая, сама разбирайся.

– Мама, не начинай, пока.

– Пока. Одевайся теплее...

Последнюю фразу я уже знаю наизусть: одевайся теплее, не застуди голову. Вешаю трубку.

Ночью долго не могла заснуть. Думала об отце. Он ушел от нас, когда я окончила школу, а Лёльке было всего десять лет. Она плакала целую неделю, не понимая, куда ушел отец, и почему он не может больше вернуться. У него появилась другая женщина и другая семья. Мама расценила это, как предательство, я же, как уход от накопившихся проблем и поиск своего внутреннего «я». Его вторая жена в скорости

умерла, чужие дети потихоньку оставили его, у всех были давно свои семьи. От размена квартиры и дележа имущества ему досталась малюсенькая комната в бывшем общежитии с общим санузелом и кухней. Последние десять лет отец прожил в одиночестве, изредка навещая меня в Москве, пока запущенная подагра лишила его возможности выходить на улицу. Боль обиды с годами прошла, мама его простила, и уже заботилась о нём, как о взрослом ребёнке. Просила меня завезти отцу продукты, лекарства или просто навесить хотя бы раз в месяц, сама же приезжала к бывшему мужу каждую пятницу, прибраться в квартире, сменить постельное бельё, приготовить на неделю еду и по мере сил вымыть отца в ванной. Тогда, двадцать лет назад, семнадцатилетней девушке мне было бы непонятно такое участие матери к человеку, который просто растоптал её жизнь, искалечил любовь и оставил родных дочерей полусиротами при живом отце. Но сейчас... Сейчас мне кажется его выбор очевидным и закономерным. Каждый человек имеет полное право быть там, где ему лучше, где его понимают и принимают таким, какой он есть. В своё время отец сделал выбор, и он оказался не в нашу с мамой пользу. Я его не виню, но и не принимаю, не могу пока принять.

Всю ночь мне снились роскошные ювелирные магазины на улицах старого Парижа. Переходя от одного к другому, я тщетно искала украшение, которое могло бы подойти к моему вечернему наряду. И только на площади Лафает в од-

ной лавке я нашла то, что искала. Высокий полный мужчина с пышными усами и довольной вежливой улыбкой на лице протягивал мне черную бархатную коробочку и тихо мурлыкал себе под нос: «S'il vous plaît, madame». В коробочке лежала бабушкина брошь.

Глава 3

– Леночка, поторапливайся, пожалуйста. Ты очень меня подводишь. – Толик стоял в коридоре, переминался с ноги на ногу и костяшками пальцев нервно постукивал по внутренней обшивке входной двери.

– Толичка, миленький, я не виновата, – кричала я из комнаты и пыталась оправдаться, но чувствовала, что прощения мне уже не заслужить. – Это чулки порвались в самый ответственный момент. Пока искала новую пару в шкафу, табуретка подо мной покачнулась, подвернула ногу. Очень больно, Толик! Я тебя не обманываю!

– Я верю, верю! Но можно быстрее как-нибудь...

Я пыталась аккуратно надеть новенькие чулки и втиснуть больную ступню в узкую лакированную лодочку. От боли вскрикнула.

– Лена, что там у тебя? – в голосе Толика чувствовалась неподдельная паника. – Можно мне уже зайти, наконец!

Я отдернула подол платья, откинула лезшие в глаза назойливые кудри и героически встала на каблуки.

– Теперь можно, заходи!

Толик вошел в комнату и остановился на пороге. Он снял очки, потом снова их надел и снова снял.

– Ну, как? – поинтересовалась я, затаив дыхание. Но по выражению глаз Толика, уже поняла, что ему всё нравится

и даже очень.

– Слов нет, – ответил мой оценщик и заторопился. – Лёночка, красота ужасная, но мы уже на два часа опоздали. Скорее, прошу тебя!

– Я готова. Только вот это манто осталось...

Толик подхватил кучу белого меха, водрузил на мои плечи и потащил в коридор. Боль в ступне была нестерпимой, но расстраивать мужа подруги мне не хотелось. Взяв под мышку чёрный клатч с телефоном и мелкими побрякушками, пакет с подарком для дочки начальника, я не спеша закрыла квартиру на два оборота, дёрнула для проверки на себя дверную ручку и только потом подняла глаза на Толика.

– Давай сегодня без паники, – спокойным голосом я решила урезонить своего кавалера на один вечер. – Мы никуда не опаздываем, доедем вовремя, ничего не пропустим, и всё будет отлично!

– Опять ты со своими психическими штучками, Лена! – возмутился Толик, уже усаживая меня в машину на заднее сиденье потрепанной «Лады».

– Психоаналитическими, – поправила я. – Не стоит этот корпоратив таких нервов, уверяю тебя.

– Если бы ты знала, что у нас на фирме творится после возвращения генерального директора из-за заграницы, не стала бы так говорить, – запальчиво воскликнул Толик и уставился в лобовое стекло.

Я ждала продолжения рассказа о том, что же всё-таки тво-

рится у них на фирме, но за этим ничего не последовало. Толик и его друг-шофёр всю дорогу, а именно два с половиной часа, болтали о своих мужских насущных проблемах, совершенно игнорируя меня своим вниманием. Как назло погода только ухудшила моё настроение. На выходные прогнозировали резкое похолодание, морозящий дождь, переходящий временами в снег и легкую гололедицу на дорогах. Прогноз полностью оправдался. На термометре с утра столбик с пяти градусов за полчаса упал до нуля, и начался мелкий дождь. Когда же мы выехали за первое кольцо, посыпалась снежная крошка, и что-то похожее на туман стало заволакивать близлежащие окрестности. За окном был скучающий, наводящий смертную тоску вид, такой, какой всегда бывает поздней осенью в Подмоскovie – голые черные деревья и темно-серый горизонт без единого солнечного просвета. В машине было холодно, печка грела плохо, только воняла каким-то горелым запахом. Под конец пути я сильно продрогла и, уткнувшись всем лицом в пушистый мех манто, пыталась согреться. Больная нога моя онемела и без движения затекла. Какая же я дура, что согласилась на этот корпоратив! И что мне делать со своей душевной добротой! Так мне и надо, наивная бестолочь! Лежала бы сейчас на мягком диване под теплым пледом и до одури смотрела какой-нибудь мыльный сериал без начала и конца! Ну почему мне всегда так не везёт!

– Приехали! – Толик стал меня тормошить, видимо, я всё-

таки смогла согреться и уснула. – Вылезай, Леночка, идти сможешь?

– Нет, – я встала на ногу, – боли не чувствую, а нога онемела.

– Держись за меня, – он подхватил меня за талию. И я заковыляла мимо охранника в распахнутые ворота.

Дом был великолепен! Мне удалось его разглядеть. Три этажа с большими французскими окнами, темный кирпич и светлая крыша. Фасад был прост, но изящен, ничего лишнего, помпезного, вычурного. Вокруг дома разбит обыкновенный газон и кое-где посажены молодые елки, пара штук после лета были уже коричневыми, засохли от неправильного ухода. Видно, садовника в доме не держали или не придавали большого значения обустройству прилегающей территории.

За домом находился внутренний двор, отгороженный стеной выложенной из камня мангала. По бокам дорожки тянулись две клумбы из глянцевого кирпича. Посаженные растения были вялые, с опущенными листьями, примершие. Замыкала всю эту незатейливую композицию деревянная арка с английской вертикальной решеткой, увитой красной розой. Несколько цветков на ней еще сохранились, но после первых заморозков лепестки поникли и края почернели, и вся она была словно подранная и израненная, кроме жалости ничего не вызвала. Впереди слышался смех, и пахло жареным мясом. Я сморщила нос от горелого запаха – от шашлыка меня

всегда тошнило. Но Толик упорно тащил меня туда, в самую гущу собравшейся толпы.

– Толян! – послышалось со всех сторон. – Ты снова опоздал!

– Не виноват, друзья, не виноват. Вот подруга ногу подвернула, нужна помощь.

Для меня поставили пластмассовый белый стул, и я осторожно с содроганием присела на его холодную поверхность.

– Вот приложите холодное, – совсем молоденькая девушка протянула мне металлическую банку пива.

Я поблагодарила и стала с интересом рассматривать коллег Толика. Людей было достаточно много. В основном молодежь лет тридцати. Сразу бросилось в глаза то, что я одна среди женщин выглядела в своём вечернем наряде как белая общипанная ворона. Видимо каждая оделась так, как считала для себя удобным и по погоде. Предпочтение было отдано джинсам, теплым свитерам и дутым курткам. Я же в своём королевском убранстве сидела как герцогиня из Венсенского замка среди площадки на пластиковом стуле. Косые взгляды неслись со всех сторон, одна коротко стриженная девица даже покрутила у виска. Но через пятнадцать минут любопытство к моей особе пропало. Все засуетились возле накрытых по-походному столов, пробуя первую порцию горячего шашлыка. Есть почему-то не хотелось, меня билa внутренняя дрожь, и после машины я никак не могла согреться. Иришкино манто оказалось совершенно непрак-

тичной вещью, как это звучало не прискорбно: абсолютно не грело. Я сидела, тщетно кутаясь в пушистый мех, и пыталась унять клацанье зубов. Белокурый мужчина в теплом джемпере на голую грудь протянул мне бокал красного вина.

– Оно холодное? – поинтересовалась я.

– Скорее всего, да. Бутылки давно стоят на столах, а погода сегодня не летняя, – приятная улыбка, манящий взгляд...

– А горячее ничего нет? – я незаметно шмыгнула носом.

– Дама предпочитает водку? – его правая бровь изогнулась и приподнялась вверх.

– Нет. Только чай.

– Чай в доме. Сюда его подавать не будут.

– А в дом нас разве не позовут? – удивилась я. Мысль о том, что мне придется просидеть на этом холоде весь оставшийся день, не очень-то прельщала. Было холодно, меха меня не грели, нога отошла, но продолжала ныть от тупой боли, и еще ужасно хотелось в туалет. Но говорить об этом незнакомому мужчине не хотелось.

– В доме сейчас генеральный небольшое экстренное совещание устроил, когда закончит, все директора присоединятся к нам, – вежливо пояснил мне мой незнакомец.

– А ещё что намечается кроме совещания и поедания мяса на холоде? – я решила уточнить всю программу веселья.

Молодой человек отпил свой бокал, пожал плечами.

– Основную часть вы пропустили, остался банкет, выпив-

ка и танцы.

Танцы? С моей ногой? На морозном воздухе? Я искала в толпе Толика. Он о чем-то яростно спорил с высоким лысым человеком в очках. Я попыталась до него докричаться, но откуда-то со стороны дома зазвучала громкая ритмичная музыка. Девушки радостно взвизгнули и стали весело пританцовывать в импровизированном кругу посреди открытой площадки, меня потеснили в сторону. Началась вакханалия! Все что-то кричали друг другу, пытаюсь перекричать динамики, кто-то растряс бутылку шампанского, и пенные брызги полились фонтанной струёй поверх голов танцующих. П слышались крики, визг, негромкая ругань. Несколько капель упало и на моё манто. Ну-с, достаточно!

Я осмотрелась по сторонам. Все были заняты своими делами, выпивали, разговаривали, танцевали, на меня никто не обращал внимания. Мой незнакомец уже танцевал в середине круга с пышногрудой блондинкой. Мимо столов прошёлся официант в униформе приличного московского ресторана, собрал пустую посуду и скрылся за выступающим углом дома. Видимо там был вход на кухню и моё спасение!

Я аккуратно, осторожно ступая на больную ногу, не замеченная никем, пошла следом за ним. За углом, действительно, оказался вход, но непарадный, а скорее всего для прислуги – две ступени и широкая дверь. Возле двери стоял охранник. Я понадеялась, что и он меня не заметит, но как всегда ошиблась.

– Простите, вы сотрудница фирмы? – низкий голос и ни одного дрогнувшего мускула на лице. Врать мне не хотелось.

– Вообще-то, нет, – тихо ответила я.

Окинув меня взглядом, (спасибо Иришке за манто!) он оценил меня, видимо, намного больше, чем просто сотрудница и тоже тихо уточнил.

– Вас вызвали?

Я не нашлась, что ответить. За кого меня принимал этот субъект, было совершенно непонятно. Но я замерзла так, что мой мочевой пузырь готов был уже разорваться, и просто кивнула головой, не вдаваясь в более интимные подробности.

– Проходите, – передо мной раскрылась дверь. – По коридору направо...

Я мигом взлетела по ступеням и очутилась в просторном коридоре, в тепле, комфорте и перед вторым охранником. Он молча снял с меня манто, повесил на пустую вешалку, перебрал на низком столике в углу несколько бейджиков, нашел то, что искал, и протянул мне. Надпись гласила «Татьяна Викторовна Нестерова. Терапевт-консультант. МОО «НЕЖНЫЕ РУКИ».

– Что это? – удивилась я не меньше, если бы мне сейчас вместо бейджика предложили выигрыш в миллион долларов.

– Вы не Татьяна Викторовна?

– Я Елена Алексеевна, – залепетала я не совсем внятно.

– Мы ждали Нестерову. Извините. Переделывать фамилию уже поздно. Давайте всё на понедельник отложим. Паспорт у вас есть? Я сделаю копию. Идите по коридору на третий этаж, там вас встретят, – заметив в моих руках пакет, он поинтересовался. – Что в пакете?

– Книги для дочери генерального директора, – я раскрыла пакет.

– Для Анастасии Ивановны, – утвердительно отозвался охранник. – Можете передать ей сами, она сейчас наверх пошла.

Он вежливо и аккуратно взял меня под локоть и направил по коридору в нужном направлении, и тут я запаниковала.

– Извините меня, пожалуйста, но мне очень надо в туалет. Простите за нелепое положение...

Охранник не дал мне договорить, опять молча кивнул головой и открыл белоснежную дверь по левую сторону.

– Здесь есть то, что вам нужно. Только быстрее, прошу вас. Леонид Аристархович о вас уже два раза спрашивал.

Я вошла в комнату, дверь за мной закрылась. Это была подсобка для персонала, так мне показалось, не большая, но и не маленькая. Здесь могло бы спокойно разместиться человек пять-шесть. Окон не было, но комната освещалась ярким светом, возле стены стоял прямоугольный стол, несколько стульев, пять шкафчиков для одежды, электрочайник, микроволновка. В углу комнаты был отделен душ и туалет. Я же находилась в каком-то вакууме, всё понимала, но ничего

не соображала. Уже в туалете, вымыв тщательно руки, глянула в зеркало. Красно-синий нос, бледные щеки, обвисшие от сырой погоды когда-то завитые локоны и огромные перепуганные глаза – нечего сказать – мисс Подмосковье, да и только! Нужно было срочно успокоиться и искать пути отступления. Меня явно приняли за другую, иначе даже в дом бы не пустили. Нужно вернуться, объяснить охранникам это случайное недоразумение. На крайний случай во всём признаться и бежать за Толиком. Чего проще?

Но я зачем-то приколола под брошь бейджик, расправила на груди платье, не торопясь, сосчитала до десяти. Для пушшего спокойствия продлила счет до двадцати пяти и с маленькой надеждой, что моего охранника в коридоре уже нет, открыла дверь... Надежда не оправдалась. Верный своему долгу часовой помахал мне рукой в конце коридора и указал пальцем, в какую сторону следует идти. Судорожно сглотнув ком в горле, я пошла.

Боятся нечего, решила я. Взрослая женщина. Сейчас найду другого охранника, скажу, что заблудилась в большом доме, и он быстро выставит меня за дверь. В конце коридора поднималась узкая совсем невзрачная лестница, соединяющая все этажи дома, видимо для прислуги. Возле лестницы коридор немного расширился и давал просторный подход к большим матово стеклянным дверям, возле которых стояла совсем юная девушка, почти девочка, и прислушивалась к громким возгласам, которые неслись из узкой дверной щели.

– ...только я имею право голоса, и я буду решать: продавать в конце года акции или нет...

– ...ты уже ничего не решаешь, Иван, вчера после обеда биржа закрылась с падением акций, а это означает только одно...

Девочка вздрогнула и обернулась ко мне. В руках она держала большой поднос. Чайник, чашки, тарелки с тарталетками и маленькими эклерами, бутерброды с черной икрой – всё это вздрогнуло одновременно с ней и зазвенело. Девочка вовремя отскочила от дверей, потому что через секунду одна половина с размахом открылась. В коридор выглянул мужчина.

– Ася! Это ты? Что ты тут делаешь? – он сосредоточенно потёр лоб, словно собираясь с мыслями. Заметив меня, (а скорее бейджик на моей груди, на моё лицо он даже не взглянул) почему-то разозлился и взмахнул руками. – Что вы стоите? Помогите ей, поднос тяжелый, она уронит его...

– Папа, вечно ты преувеличиваешь, – девочка гордо вздернула подбородок.

Я быстро подхватила поднос и почему-то заторопилась наверх по лестнице, она побежала за мной. Услышав, как внизу закрылась дверь, и громкий разговор возобновился снова, я замедлила шаг и остановилась на площадке между этажами.

– Ты подслушивала, – это первое, что я смогла сказать полужёпотом.

– Дверь была приоткрыта, я не специально, – девочка прочитала мой злосчастный бейджик. – Но вы не Татьяна Викторовна. Её я знаю.

– Очень хорошо, – я передала ей поднос обратно. – Татьяна Викторовна приехать не смогла, наверное. А мне пора уже уходить.

– Как уходить? – изумилась Ася. – Вы же только пришли и у деда ещё не были. Если Татьяна Викторовна не приехала, значит, вы её и замените. Он вас ждёт!

– Кто?

– Дедушка. Леонид Аристархович.

– Послушай, – я тут же поправилась, – послушайте, вас ведь Ася зовут?

– Да, Анастасия.

– И вы дочь генерального директора и хозяина этого дома?

– Да. Тот мужчина, – она взглядом указала на первый этаж, – мой отец.

– Замечательно! – как гора с плеч. – Вот вам подарок ко дню рождения, а мне надо идти, иначе я боюсь, что не доберусь в город до вечера.

Её руки были заняты подносом, и я не знала, как передать ей пакет с книгами. Ася заулыбалась.

– Мне подарок? Правда? А что это?

– Книги, – я торопилась.

Она замешкалась, но быстро сообразила.

– Очень жаль, что вы не хотите остаться и выпить чаю,

и дед будет расстроен, – Ася стала подниматься дальше по лестнице. – Тогда подождите меня здесь, я отнесу поднос и провожу вас.

Кивнув головой, я осталась ждать её на лестнице. Внизу снова распахнулась дверь, и послышались торопливые шаги.

– ...такое решение будет принято в парижском офисе! – голос гремел по всем этажам. – И мне плевать, что ты с ним не согласен...

Ко мне по лестнице, спешно перепрыгивая через ступени, поднимался отец Аси. Увидев меня, он резко остановился и задал вопрос.

– Что вы здесь делаете? Уже уходите?

Теперь я могла разглядеть его поближе... О мужской красоте можно говорить бесконечно, потому что она на удивление разная. Кому-то нравятся стройные, высокие мужчины с накаченным торсом и широкими плечами. Кто-то находит красоту в правильных чертах лица и цвете глаз. Кому-то важен тембр голоса и сильные нежные руки. Мой же идеал мужской красоты объединял всё и был сосредоточен на внешности Алена Делона. Да, вот так банально, но со вкусом. Кто из женщин более старшего поколения не был в него влюблен хотя бы один раз в жизни! После выхода кинофильма «Бассейн» по стране прокатилась волна женской истерии. Такого мужчину советские женщины не могли увидеть ни в одном отечественном фильме. Статная фигура юного Аполлона, подтянутый торс, чуть-чуть грустные глаза и заворажи-

вающая улыбка! Для меня он был совершенен во всех отношениях. Благородный и слегка учтивый наклон головы, ясные синие глаза, которые вам и улыбаются, и одновременно с вами заигрывают, обволакивающий, тихий, чуть с хрипотцой голос, не говоря уже о той сексуальной энергии, которая исходила от этого мужчины даже через экран телевизора! Да, это и был мужчина моей несбыточной мечты! Даже с годами он не потерял своего изумительного шарма, только седина стала придавать ему весомость жизненного опыта и обольщения. Где можно было встретить такого мужчину в жизни, а не на экране телевизора? Ответ очевиден – нигде! В природе такие особи не водились, а если и затерялся где-то в мировом пространстве один, то наверняка был уже давно окольцован и его миграционные пути выслеживались со всех спутников планеты... Сейчас же передо мной стоял идеал этой мужской красоты, вернее его приближенная копия, но очень хорошего качества! Боже мой, если сердце, действительно, умеет останавливаться на несколько секунд (во всяком случае, так всегда пишут в романах), то у меня оно просто перестало биться! У этого мужчины были правильные черты лица, на высокий лоб спадала густая волнистая челка, волевой подбородок и мягкие губы. Глаза! Они были темно-синего цвета, такая редкость! Я смотрела и не могла оторваться от его глаз. Воспроизведение звука у меня полностью отсутствовало. Я оглохла! Стояла перед ним, как полная дура, и моргала глазами.

Он что-то говорил, в чем-то меня убеждал, я только кивала головой, соглашаясь со всем сказанным. От его синих глаз невозможно было оторваться, как два омута, и я тонула, тонула, тонула... Вдруг из-за моей спины послышался женский голос.

– Дорогой!

От неожиданности я вздрогнула и очнулась от сна. «Дорогой!». Ну, конечно! Этот мужчина не мог быть холостым, одиноким, несчастным, брошенным и покинутым! Он был уже занят!

– Дорогой, я уже соскучилась тебя ждать, – супер модель с длинными прямыми черными, как смола, волосами, облокотилась на его плечо и капризно выставила силиконовые губы для нежного поцелуя, на меня она даже не взглянула.

– Я, надеюсь, что мы договорились? – последний вопрос я уже расслышала довольно хорошо. Слух вернулся, а вместе с ним и жуткое разочарование. Я только молча кивнула головой.

– Тогда скажите номер своей банковской карты?

Словно под гипнозом я достала из-под подмышки лакированный клатч, вытащила оттуда пластиковую карту и протянула её отцу Аси. Он мило улыбнулся и, обняв свою подругу за талию, прошел вместе с ней по коридору в распахнутую дверь кабинета. Я осталась одна. Куда идти и что делать, осознавала с трудом. Полная растерянность и ощущение чего-то внезапно нашедшегося и тут же снова потерянного.

ного. Я осмотрелась по сторонам. На верхней лестнице третьего этажа возле перил, свесив голову вниз, стояла Ася. Я стала медленно подниматься к ней наверх.

– Ты снова подслушивала? – хоть я и старалась говорить без упрека, но получилась так, будто отчитываю её за скверное поведение. Девочка не обиделась, только присела на мраморную ступеньку. Вид у неё был совершенно несчастный, в глазах блестели слёзы. Пришлось сесть рядом.

– Что случилось? – из вежливости поинтересовалась я, не надеясь даже получить вразумительного ответа. – Кто тебя обидел?

– Отец. Он уезжает.

– Куда?

– В Париж.

– Когда?

– Прямо сейчас, – Ася подняла на меня удивленные глаза, слёзы в них уже высохли. – Вы что ничего не услышали, он только что всё вам рассказал!

Я судорожно сглотнула, облизнула сухие, потрескавшиеся на холоде губы.

– Ты же всё слышала, правда? – с теплой надеждой в голосе начала я. – Расскажи, пожалуйста, о чем мы договорились с твоим отцом?

– О том, что вы поживете с нами в этом доме, пока он будет отсутствовать. Это три дня. За эту работу, как он сказал, на ваш счет будут переведены деньги. Вы сами отдали ему

свою банковскую карту, только что... Вы что, правда, ничего не помните?

Мне не хотелось пугать несчастную девочку, она и так смотрела на меня, как на сумасшедшую, но я ничего не помнила. Да! Иногда так бывает! Вроде и должен помнить, но не помнишь, и это без капли спиртного! В подтверждение слов Аси в моём клатче завибрировал телефон. Пришла смс. Я спешно вытащила сотовый, прочла сообщение. «На ваш счет 890...5647 зачислен платеж 50 000 р. Баланс: 58 362р.» Ого! Сколько денег! Откуда? Внизу на втором этаже послышался шум. Кто-то открыл дверь и шел по коридору. Не сговариваясь, мы с Асей обе подскочили, и не успела я оправить примятый подол платья, как передо мной снова стоял Асин отец.

– Вот, возьмите, – он протягивал мне мою банковскую карту, – деньги уже переведены на ваш счет... Ася, мне нужно ненадолго уехать в Париж. Не сердись, малыш. Это на два-три дня. Улажу дела и вернусь. Вот Татьяна Викторовна присмотрит за дедом и тебе будет не скучно...

– Я прошу прощения, – и что меня подтолкнуло прервать его божественный голос, не знаю, но мозги уже ко мне явно возвращались. – Я извиняюсь, но меня зовут Елена Алексеевна, а вас?

Мужчина изумленно поднял брови. В его глазах запрыгали веселые огоньки. От этого взгляда можно было сойти с ума, но я стойко удержалась.

– Иван Федорович, – он галантно поклонился. Ася прыс-

нула от смеха.

Какое странное, архаичное имя! А главное, оно совершенно не подходило к его красивой античной внешности. И самое удивительное, что он тоже это понимал, потому что на мой недоуменный вопрос:

– А почему Иван Федорович?

Развел руками и с полуулыбкой на лице ответил:

– Потому что родители так назвали.

– Извините, – опомнилась я. – Не хотела вас обидеть.

– А я и не обиделся. Вам всё понятно, больше вопросов не будет?

– Будет.

Моё категоричное заявление несколько его не шокировало, он только скрестил руки на груди и внимательно уставился на меня, вернее стал пристально разглядывать сверху вниз. Я почему-то принялась лихорадочно отстёгивать несчастный бейджик, застёжка которого сцепилась с моей брошью.

– Я не та, за кого вы меня приняли, – лепетала себе под нос, не поднимая глаз. – Это какое-то недоразумение.

– Разве вы не работник из патронажной фирмы? – вопрос простой, не сложный, но я замешкалась. Тем более, почувствовала, что сзади кто-то тихонько дёргает за мой рукав. Это была Ася, больше некому. – Вы не из МОО «Нежные руки»?

Он отобрал у меня бейджик и теперь крутил его в руках.

На его губах играла двусмысленная улыбка. Ещё бы! Этот негодяй прекрасно знал о своём магнетическом влиянии на женщин и умело им пользовался. Меня это просто взбесило.

– А вы в этом сомневаетесь? – сделала я ударение на последнее слово и не отвела взгляд. – Но есть причины, по которым я определенно не могу поселиться в вашем доме даже на несколько дней.

– Какие, например? – его спокойный и нежный голос подкупил меня с головой.

– У меня с собой нет никаких личных вещей, даже пижамы, – я развела руками.

– А вы что, спите в пижаме? – и опять очаровательная улыбка.

Да он просто издевается надо мной! Издевается и смеётся! Я хотела ответить без всякого стеснения, в чем именно предпочитаю спать, но рядом стояла Ася, и мне оставалось только втянуть побольше воздуха в грудь и мило улыбнуться.

– Все ваши проблемы можно решить уже сегодня. Составьте список вещей, размер одежды, марку зубной щетки, шампуня и так далее. Олег, мой охранник, вам все доставит в лучшем виде ещё до сна. Он внизу у второго входа, вы проходили мимо него.

Я только кивнула головой.

– На вашу фирму я позвоню в понедельник и всё объясню. Надеюсь, на ближайшие три дня у вас не было срочных вызовов, трудных клиентов? Нет? Ну и прекрасно. Вам выде-

лят комнату. Я повторюсь ещё раз, если бы не срочное неотложное дело, я бы никогда не посмел вас так утруждать. Но ваше появление сегодня в моём доме как раз кстати. Больше мне некому доверить больного старика и вот эту милую особу. Мы договорились? – снова мой кивок головы. – Вот и замечательно. Ася, отведи Елену Алексеевну к деду и представь её. А у меня уже нет времени даже проститься с ним. Поцелуй его за меня, – он звонко чмокнул дочь в макушку, погладил по плечу. Уже на втором этаже крикнул откуда-то снизу, – с днем рождения, Анастасия! Я люблю тебя!

Я с сочувствием посмотрела на бедную девочку. Она не кинулась за ним вслед, проводить хотя бы до дверей, тихо стояла возле перил.

– Вдобавок ко всему у тебя еще и день рождения.

– Да, – грусть в голосе осталась, но слёз уже не было.

– Тогда поздравляю, – я протянула ей пакет с книгами. –

Мне когда-то предлагали чай...

– Да ведь чайник давно остыл, – спохватилась Ася. – Пойдемте к деду, пока вы будете знакомиться, я новый вскипячу...

Мы поднялись на третий последний этаж, прошли по коридору. Мягкий желтый свет падал от настенных абажуров на длинную дорожку с коротким ворсом. Здесь было всего три двери, две с левой стороны, одна – с правой. Ася без стука открыла дверь справа и пропустила меня вперед.

Глава 4

– Дед, а я тебе гостью привела!

Возле эркерного, огромного во всю стену, черного окна под белым напольным торшером сидел старик. Его инвалидное кресло стояло рядом с круглым столом, заставленным стопками книг, среди которых был и пустой из-под чая стакан в серебряном подстаканнике. Дед, видимо, за чаем увлеченно с помощью приличной лупы читал книгу, разложенную на коленях. Его очки были задраны вверх и бесполезно покоились на высоком лбу.

– Гостью? – удивился дед. – И кто же она?

– Твоя новая сиделка!

– Та-ак, – протянул старик, откладывая книгу в сторону, – тогда подай даме стул, Асенька, да поживее!

Он как-то по-молодецки, задорно прищелкнул пальцами и весь засуетился: поправил плед на ногах, клетчатую бабочку на шее, и очки сначала снял, затем надел, потом снова сдвинул на лоб, словом, не знал, куда их деть. Ася тем временем убрала со стола все книги, поставила поднос с чашками и бутербродами, пододвинула мне удобное кресло, себе поставила стул.

– Значит так, – подытожила она. – Это Елена Алексеевна, патронажная сестра. Это Леонид Аристархович, мой дедушка. Вы пока знакомьтесь, а я на кухню за новым чайником.

Хорошо?

– Еще про мои лекарства не забудь, – напомнил дед, но за Асей уже закрылась дверь.

Я села в предложенное кресло и быстро осмотрелась. Удивительного ничего не было. После современной обстановки той части дома, что я успела разглядеть, в этой комнате застыло время прошлого столетия. Старый человек жил среди таких же старых вещей. Что меня поразило больше всего, так это то, что в комнате было очень много книг. Они лежали на открытых полках этажерок времён начала прошлого века и в закрытых, со стеклянными дверями, низеньких шкафах, еще лежали просто на полу вдоль стены и на большом письменном столе, заставленном, чем попало – чернильницами, перьевыми ручками, толстыми папками, лоскутами материи. Над столом была установлена широкая полка. Я присмотрелась: кубки, почетные грамоты, какие-то медали – всё здесь стояло вперемешку, и было покрыто многонедельной пылью.

– Сегодня просто удивительный вечер, – тихий голос старика оторвал меня от осмотра пространства. – Я так и думал, что явится прекрасная незнакомка, ведь не зря выпала червовая дама.

Я внимательно посмотрела на Леонида Аристарховича. Если мне не сказали всей правды, то хоть какие-нибудь черты безумия должны присутствовать на его лице. Но нет, ничего подобного я не нашла. Я даже затруднялась определить его возраст. Лицо было гладким, свежим, без существенных

морщин, особенно лоб. Нос с годами увеличился и клонул вниз, а количество веснушек не уменьшилось. Брови и ресницы были бесцветного цвета, а волосы на удивление рыжие и без очевидной седины, ну разве что на аккуратно подстриженных висках белело несколько волосков. Он не улыбался, а как-то застенчиво хмурился, только в его глазах притаилось едва уловимое лукавство, так мне показалось с первого взгляда. Было заметно, что ему моё присутствие очень нравилось, он весь приободрился и повеселел.

– Спасибо вам за такой интересный комплемент, – отозвалась я и мило улыбнулась. – Я так никогда и не считала себя прекрасной.

– Слава бессмертной Афродите и Венере слава! – он театрально поднял руки вверх и потряс ими в воздухе, обращаясь к невидимым богам. – Есть справедливость на свете, сжалились вы над немощным стариком – послали не только красивую, но еще и умную женщину мне в собеседницы!

– Да, ладно, – махнула я рукой, – с чего вы решили, что я умная? Я ведь и слова не сказала.

– Только умная женщина никогда не будет считать себя красавицей, а будет ею, – он поднял указательный палец кверху и как бы поставил точку в своём изречении. – Так говорили те, кто жили до нас.

– Дайте, я угадаю: вы историк и ваша научная работа называлась «Мифы и быль древней Греции»?

– Нет! – старик, как ребёнок, захлопал в ладоши. – Но

ваша мысль мне приятна! Я костюмер, декоратор, портной, кутюрье – выбирайте, что вам по душе, но никогда не был историком, тем более специалистом по древней Греции.

– Но здесь столько книг... – я ещё раз обвила комнату взглядом.

– Конечно, каждый человек имеет свою страсть, – старик согласно закивал головой. – Моя – книги! Уже много лет я сижу в этом кресле, и читаю, читаю, читаю... Знаете, это отвлекает, а главное, никогда не может надоест.

– Вы здесь так ограничены... – он не дал мне договорить.

– Я? Нет! У меня есть всё, что нужно, и в допустимом пределе вытянутой руки, а кресло еще и передвигается. У меня есть здесь спальня и огромная ванная комната, удобно, практично...

Дверь резко открылась, на пороге стояла Ася, держа в одной руке чайник, в другой глубокую тарелку. Она пыталась ногой и локтем закрыть за собой дверь. Я тут же подскочила с места.

– Я помогу, – взяла из её рук тарелку, в ней оказалась манная каша, и закрыла дверь.

Ася вся запыхалась, рассказывала последние новости на ходу.

– Все сотрудники уже разъехались, корпоратив закончился. Папа тоже уехал в аэропорт. Его Верочка тут же в машину и след простыл...

Дед её перебил.

– Иван что, уехал?

– Да, дедуль, извини, забыла тебе сразу сказать. Опять в Париж на три дня, какие-то проблемы на работе.

– В твой день рождения, – Леонид Аристархович помрачнел, сжал кулаки.

– Ты только не расстраивайся! – Ася подбежала к письменному столу, достала из ящика какую-то склянку и накапала несколько капель в изящную рюмочку.

– Не буду я это пить! Не приставай ко мне! И кашу эту есть не буду. Сегодня праздник!

– Дед!

– Достань нам лучше с Еленой Ляксовой, – выкрутил он своё отчество на старинный манер, – пять капель крепенького.

– Тебе же нельзя, – в голосе внучки слышался упрёк.

– Мне нельзя, а прекрасной даме можно, так ведь? – и пока Ася копалась в шкафу, переставляя на тайной полочке книги, дед продолжал. – Я сильно скучаю без общения, вот моё главное ограничение. Вся жизнь прошла в кутерьме, сотни людей, друзей, манекенщиц! А теперь пустота! И вокруг никого нет.

– Как нет? – отозвалась Ася. – А я?

– Да, только внучка меня и спасает, – он обратился к Асе. – Приставляешь, карты-то меня не подвели! Как легла утром червовая дама, так вот она – вечером передо мной!

– А разве червовая дама не Татьяна Викторовна, что в

прошлый раз приходила? – удивилась Ася, выставляя на круглый стол бутылочку наливки. Дед брезгливо поморщился.

– Конечно, нет. Та дама была пиковой, и убери эту гадость, – указал он на бордовую бутылку. – Налей-ка нам благородного выдержанного коньячку!

– Ну, дед, ты даешь, – Ася снова стала переставлять книги, и через минуту из глубины шкафа извлекла пузатую бутылку французского коньяка. Я забеспокоилась.

– Мне не надо. Я опьянею. Целый день ничего не ела, – призналась я.

– Так вот же закуска! – старик театрально изогнул кисть руки и указал на поднос. – Угощайтесь! Икра, ветчина, рыба – всё перед вами, и не надо стесняться! – он потер руки, глаза его заблестели, когда Ася поставила перед ним рюмку. – Пять капель! – сразу ограничил он допустимое количество и подцепил на вилку кусочек росистой сёмги. – Ну, девочки, за встречу!

Ася налила себе в большую фарфоровую чашку чаю, и мы все втроем осторожно чокнулись. Да, коньячок оказался как нельзя кстати. Была ли это нервная дрожь, или я до сих пор не могла согреться после корпоратива на свежем воздухе, но благородный напиток сделал своё дело – жидкость растеклась по венам, нервы успокоились, расслабились и мысли стали почти невесомы. Чтобы не опьянеть, я не спеша принялась за еду и внимательно слушала речь Леонида Аристар-

ховича.

Он был в ударе. Конечно, может, и пяти капель для него было выше нормы, но чувствовал он себя просто великолепно. Рассказывал смешные приличные анекдоты, шутил, хлопал в ладоши, словно фокусник, и извлекал новую историю из цилиндра памяти, над которой мы с Асей смеялись, как две глупые девчонки. Между дедом и внучкой было неоспоримое сходство, и теперь, когда они сидели оба передо мной, всё это было на виду. У Аси были такие же пушистые рыжие ресницы и веснушки, цвет волос в точности может и не совпадал, но волосы у девочки так же вились и пушились возле лба, как и у деда, только без благородной седины. Глаза её были особенные, светло-коричневые, ни в отца, ни в деда.

– Вот платье у вас изумительное, – Леонид Аристархович с удовольствием рассматривал мой вечерний наряд. – Простое, но со вкусом. Ткань хорошая, дорогая, но больше этому платью ничего и не надо. Шанель... – мечтательно добавил он. – На какой улице Монмартра покупали?

– Где? – не поняла я и растерялась.

Ася пришла мне на выручку.

– Дедуль, ты в каком веке живешь! Все платья Парижа уже можно купить и в Москве. Даже дешевле.

– Да, времена другие, – замечтался дед. – А вот раньше на улице Деплье был один замечательный магазинчик...

И снова потекли рассказы, воспоминания... Я уютно устроилась в кресле, незаметно разулась (ступня уже не бо-

лела, но ноги устали от каблуков) и расслабилась, слушая монотонный, успокаивающий голос едва знакомого мне пожилого человека. Время шло незаметно, где-то в соседней комнате пробили куранты. Но на их позывные удары никто не обратил внимания, мы продолжали пить чай. Ася за всё время ни разу не вспомнила об отце, была весела, смеялась дедовским шуткам и мило подзадоривала его, когда он явно начинал преувеличивать свою значимость в ходе истории. Их союз был для меня очевиден. По сути их объединял не возраст (как говорится: стар и млад), а что-то большее, может быть, одиночество, даже некая отстраненность от окружающего мира, которая проглядывалась в той нежности, что они испытывали друг к другу. И рядом с ними мне казалось, что я тоже являюсь их невольной союзницей и единомышленником, словно я долгие годы знала этих людей и прожила вместе с ними часть своей жизни. Во всяком случае, я совершенно не чувствовала той неловкости, которая возникает в присутствии мало знакомых людей. Мне было хорошо, спокойно и тепло от их улыбок. Моё одиночество невольно само присоединилось к ним, и они, заведомо не сговариваясь, сразу же приняли меня в своё тайное общество.

– Ой, снег пошел! – вскрикнула Ася и подбежала к окну, одернула высоченную белоснежную занавесь.

– Ты выключи большой свет, – подсказал ей дед. – Нам и торшера хватит.

Выключили свет. Огромное черное окно превратилось в

жидкокристаллическую плазму. Мы сидели и молча наблюдали за кинофильмом, что решила прокрутить этим вечером сама природа. Сначала снежинки были одиночными и редкими, потом запорхали большие хлопья снежной ваты, словно госпожа Метелица не взбивала, а рвала в клочья свою огромную перину. Так продолжалось минут пять-десять. Потом эти хлопья повалили нескончаемым потоком, как ливнем, и ветер время от времени лепил мокрый снег комками и швырял их прямо на стекло. Можно было подумать, что дворовые мальчишки шутили над нами и огромными снежками забрасывали окно.

– Ну, и погодка сегодня, – время от времени восклицал дед, – Что творится, что творится...

Сидели мы молча, наслаждались тишиной и приятным вечером. Каждый думал о чём-то своём и не мешал другим сосредоточиться на своих мыслях. Я думала о том, что всё-таки как не крути, а Светка хорошая подруга. Не будь она сегодня так занята со своими родственниками, обязательно поехала бы с Толиком на его корпоратив, а я не попала бы в этот замечательный дом и в эту удивительную компанию из двух человек. Всё же иногда со мной могут случаться приятные вещи!

В полумраке торшера я хорошо видела рядом профиль Аси. Ресницы её нервно подергивались каждый раз, когда новый порыв ветра приносил в окно огромную охапку снега. Смотрела она, не мигая, в одну точку, склонив голову

немного набок. На щеках от тепла горел яркий румянец, еще больше выделяя россыпь веснушек ближе к носу. На лице не было ни грамма косметики, собственная красота, как говорят французы, а-ля натюрель. Но красота эта была ещё до конца не раскрыта, скорее девичья, чем женская, не смотря на то, что исполнилось уже семнадцать лет. И тем милее она мне казалась сейчас, без лишнего грима. Весь профиль её напоминал скромную деревенскую девушку с картин Сурикова или Брюллова. Я засмотрелась. Ася скорее почувствовала, чем заметила, мой пристальный взгляд и обернулась ко мне. Глаза её были широко раскрыты и заметно увлажнены. Видимо, мысли девушки столь тихи и печальны на первый взгляд, сильно всколыхнули со дна безмятежной души позабытую грусть прошлого, если у неё и было таковое.

Ах, какие же всё-таки красивые глаза! Почему я сразу их не заметила и решила уточнить.

– Ася, а ты глазами на маму, наверное, похожа?

Дед что-то тихонько напевал себе под нос, но после моих слов примолк. Ася помрачнела. Какая же я всё-таки бестолковая! Ну, зачем я это ляпнула! Подвёл коньяк, как пить дать, подвёл!

– Прости меня, – я заторопилась извиняться, – я не знала...

Ася встала, собрала пустые тарелки на поднос и вышла из комнаты. Я кинулась к деду.

– Что не так? С её мамой что-то случилось?

– Случилось, – буркнул старик. – Ещё десять лет назад случилось.

– Простите меня, я же не знала. Меня никто не предупредил...

– А что тут предупреждать! – Леонид Аристархович стал нервно одергивать на коленях плед, пряча от меня свои глаза. – Бывают хорошие матери, бывают плохие. Моя вот Лизонька и умна, и красива, а только мать никудышная. Что тут поделывать? Даже в день рождения дочери не может позвонить, работа у неё срочная. Я ведь просил, напоминал...

– Так мама Аси жива? – я уже боялась задать лишнего вопроса, но нужно было всё-таки определиться раз и навсегда.

– Жива, жива, слава Богу, хоть я в него и не верю, – дед замахал руками. – А вы что подумали?

– Подумала... – я сразу прикусила язык. Мало ли, что я подумала, деду это знать совершенно не полагалось. – А где же она сейчас?

– Известно, где! В Париже!

В дверь тихо постучали. Вошел мой знакомый охранник с нижнего этажа.

– Леонид Аристархович уже десять часов, – вежливо напомнил он.

– Да, да, – засуетился дед. – На покой пора. Режим есть режим. – Он обратился ко мне, прищурил левый глаз. – Теперь Олежка меня в постель укладывает, сам-то не могу, а бабки нет. Ася таблетки мои забыла! – вдруг спохватился

он. – Елена Алексеевна, не считите за труд. Там, на столе, в коробочке из-под печенья...

Я подошла к столу, отыскивала среди вороха абсолютно, на мой взгляд, не нужных вещей коробочку с пластиковыми баночками и упаковками лекарств. Поднесла к деду. Он выбрал необходимые таблетки, быстро кинул в рот, запил водой из предложенного охранником стакана.

– Меня Олег зовут, – вежливо представился молодой человек. – Иван Федорович распорядился всё к вам в комнату поднять.

Видимо, мои брови удивленно поползли вверх, потому что Олег добавил.

– По вашему списку я всё купил. Комната ваша рядом, здесь на этаже, справа. Поближе к Леониду Аристарховичу. Если что-то понадобится ещё, сразу говорите, не стесняйтесь, машина каждый день в город ездит, привезут. Если что-то очень важное, сам съезжу, всё куплю и доставлю в лучшем виде.

Честно говоря, я мало что понимала из всего сказанного, пока не пожелала деду спокойной ночи и добралась до указанной комнаты. На широкой кровати были разложены многочисленные пакеты. Я стала перебирать их один за другим. Здесь было всё! Простенькое, но со вкусом платье, две юбки, блузочки, белый халат, четыре пары тонких чулок, теплые носки, мягкие удобные домашние туфли на низком каблуке, один пеньюар, теплая пижама в цветочек и упаковка

шелковых трусиков и, боже мой, гигиенические прокладки и тампоны четыре капли! И это всё покупал мужчина и писал список тоже мужчина! Реакция была очевидной. Мне до того сделалось стыдно, что я стала тихо... хохотать!

В дверь постучали. На пороге стояла Ася.

– У вас что-то случилось? – участливо поинтересовалась она. – Я слышала смех.

– Наверное, я не рассчитала свои возможности, или стены здесь слишком тонкие.

Я думала, что после моих слов о маме, Ася вообще со мной не заговорит, но в её глазах обиды не было, и у меня отлегло от сердца. Девочка неловко стояла на пороге, я указала на разложенные пакеты.

– Вот, оказывается, твой отец сам составил список моих вещей, и сейчас я уточняю, чего он не предусмотрел.

– Вряд ли вы найдете упущения, – Ася стала помогать вынимать из пакетов содержимое и раскладывать на кровати.

– Смотрите: шампунь, зубные щетки, мягкая, жесткая и средней жесткости. Всё на ваш выбор. Паста двух видов. Даже пенка для укладки волос и дезодорант. Набор не плохой косметики. Духи!

Она потрясла в воздухе коробочкой Диор.

– А вы говорите: не предусмотрел!

Да, возразить мне было явно нечего. Но тут моё сознание прояснилось.

– А сапоги! Приехала я к вам в модельных туфельках, а

на улице снег!

Ася осмотрела комнату, нагнулась куда-то под кровать. Я и ахнуть не успела, как поверх всех пакетов она важно, словно это был её праздничный торт, водрузила прямоугольную большую коробку и открыла крышку. Боже мой, в этой коробке лежали новенькие, чистенькие сапоги от Марко Тоцци! Это было выше моих сил, и я побежденная плюхнулась на кровать.

– Ну, что? – Ася уже хохотала так же, как я полчаса назад. – Еще вопросы есть?

– Как твоему отцу это удаётся, – недоумевала я. – Он продумал всё до мелочей. Тампоны! – я трясла коробочкой тампаксов в воздухе. – Как мне ему в глаза смотреть через три дня!

– Он про это всё, – Ася развела вокруг себя руками, – через три дня и не вспомнит. Даже не думайте об этом. Просто, если долго жить с моей мамой, и не такому научишься.

Наступила неловкая пауза. Ася присела на кровать с противоположной стороны.

– А какая она твоя мама? – снова не удержалась я от вопроса. Видимо, дедовский коньяк ещё не до конца испарился.

– Она любит всякие мелочи, – Ася пожала плечами. – Придаёт им большое значение и говорит, что всё в этой жизни построено на самых обыкновенных мелочах. Помню, они долго ругались с папой, что ему надевать – синий галстук

или золотые запонки. Для неё работа неотделима от жизни, а жизнь не существует без любимой работы. Она всегда одевается со вкусом по последней моде, причёска – волосок к волоску. В детстве она казалось мне сказочной принцессой безупречной во всём.

– А сейчас?

– Я думаю, что и сейчас она выглядит так же, как и пять лет назад.

– Ты не видела её пять лет?

– Да, – Ася грустно улыбнулась. – Папа уговорил меня тогда поехать в Парижский Диснейленд. Как будто в двенадцать лет мне хотелось кататься на каруселях!

– Да, мужчины иногда бывают очень недогадливыми, – проговорила я.

– Там они поссорились, так, что жандармы забрали их в участок, а меня забыли на аттракционах... Он любит её, – вдруг сказала Ася. Я затаила дыхание. – Любит до сих пор. Я это вижу, когда он разговаривает с ней по телефону, когда спешно собирается лететь в Париж, вот как сегодня, например. Придумывает любой повод, чтобы встретиться с ней. А когда приезжает обратно, я не вижу его целыми днями, всегда на работе в своей фирме. Только поздним вечером он сталкивается со мной в коридоре, всегда раздражителен, молчалив...

– А потом?

– Дней через пять всё приходит в норму, и мы снова с

ним друзья. А через месяц всё повторяется снова. Как бег по кругу... – она замолчала.

– Я должна извиниться, если обидела тебя, – это был хороший повод сгладить свою вину, и я в него уцепилась из последних сил.

– Нет, – Ася нахмурилась. – Вы ни в чём не виноваты... Так бывает, ждешь чего-то целый день, а оно не случается...

– Дедушка сказал мне, что возможно твоя мама сейчас очень занята.

– Да, возможно. По субботам у неё генеральный прогон моделей, потом худсовет, потом презентация новой коллекции, вечеринка по этому поводу. У неё модельный бизнес в Париже, имя, марка, огромные связи... Очень насыщенная, интересная жизнь, и я рада за неё... Но там, где она...

– Позвони ей! – вдруг вырвалось у меня. – Возьми телефон и набери номер. Который там сейчас час?

– Еще нет и девяти часов вечера, – Ася удивленно смотрела на меня.

– Детское время! Звони!

– Нет, – проямлила Ася и попятилась назад.

– У тебя день рождения, так? – она кивнула головой. – Сегодня должны исполниться все твои желания, так? Ты хочешь услышать её голос? Звони!

Её широко распахнутые глаза смотрели удивленно и печально, какая-то безысходность была в этом взгляде, словно она давно знала то, что мне взрослой женщине вообще не

дано было познать. Девочка в семнадцать лет не должна так смотреть!

– Ну, же! Давай!

Из кармашка кофточки Ася вытащила новенький сотовый телефон. Пара нажатий, вызов пошел. Она приложила гладкую панель плотно к уху, и мы стали ждать. Несколько секунд что-то там проиграло, и послышался ответ.

– Мама, привет, это я! Да, да, я знаю. Папа полетел снова к тебе. Наверное, он сам позвонит... У нас с дедом всё в порядке, как всегда... Сейчас идет снег. Очень красиво!

Ей в ответ неслись поспешные замечания, вопросы, даже удивления. Всё это я слышала сама, находясь на другом конце комнаты. Я принялась укладывать вещи в комод и делала вид, что не прислушиваюсь, о чем Ася говорит со своей мамой. Еще несколько простых предложения и короткое «Пока». В комнате повисла гнетущая тишина.

– Она поздравила тебя с днем рождения? – ну почему я снова лезу не в своё дело!

– Нет, – Ася положила телефон на прикроватную тумбочку. – Она не вспомнила.

– Я... Прости, наверное, это была плохая идея... насчет звонка, – я не знала что сказать, как утешить этого ребенка. У меня никогда не было детей, тем более таких взрослых, и как с ними разговаривать, когда точно знаешь, что сейчас в данную минуту этой девочке нужна чья-то поддержка, я не знала.

– Уже поздно, – Ася посмотрела на меня невозмутимым взглядом. Я боялась, что вот сейчас она разрыдается, и что потом? Но девочка только улыбнулась. – Устраивайтесь, не буду вам мешать. Дед просыпается рано, в семь часов. Я сама варю ему кашу. Так что до восьми можете спать спокойно.

– Спасибо тебе, – почему-то вырвалось у меня.

– За что? – девочка обернулась уже в дверях.

– Даже не знаю... За знакомство.

Она молча кивнула и тихонько прикрыла за собой дверь.

До трех утра я так и не могла уснуть, я вообще не могла уснуть всю ночь. Во-первых, не могу спать на новом месте! Никак! Просто наказание какое-то, всякий раз так со мной. Терпеть не могу самолеты, гостиницы, а особенно поезда, потому что сон в этих местах у меня отсутствует полностью, и после длительных поездок болит не только голова, но и всё тело. Сон это отдых, а если его нет, то и отдыхать не приходится. Всё ночь ко мне лезли какие-то мрачные, махрово лапчатые, похожие на пауков, мысли. Я боролась с ними, отгоняла, как могла, но они лезли и лезли, пока я не включила ночник и не нашла сотовый телефон. Двадцать семь пропущенных звонков и восемнадцать сообщений! Я побила рекорды! Больше всех звонила Светка, двадцать звонков! Потом Ириша, видимо, беспокоилась за своё манто, один раз звонила мама, два раза сестра Лёлька. Всё! На этом поиски родных прекратились, и начались сообщения с просьбой срочно перезвонить и сказать где же я всё-таки нахожусь од-

на и в такое позднее время. Отвечать в третьем часу ночи даже очень близким и любимым подругам я побоялась, а вот сообщение Светику быстро набрала и отослала. Ровно через пять секунд ночную тишину моей комнаты прорезал резкий и требовательный звонок.

– Ленка! Ты что, совсем с ума сошла? – громopodobный ор ревел из трубки. Пришлось держать телефон подальше от уха. – Толик тебя потерял! Только в Москве заметил, что тебя нет в общем автобусе среди сослуживцев. Я ничего не могу от него добиться. Только и причитает: «Как же Ленок доберется обратно! Как же Ленок доберется обратно!» Наказание какое-то! Ты где?

На другом конце повисла тишина, мне дали шанс высказаться. Слабый голос Толика внезапно вскрикнул на заднем плане и тут же затих, словно, Светка острым локтем толкнула мужа под дых, и тот умолк, сраженный наповал.

– Светочка, ты не поверишь! – начала я осторожно, чтобы не спровоцировать новую волну праведного гнева.

– Рассказывай, – подруга перешла на шепот с придыханием.

Я рассказала всё по порядку, не пропуская ни одной детали. Подробно описала дом, ну ту часть, что мне пришлось увидеть, конечно, описала самого хозяина в общих чертах и его домочадцев, пересказала весь вечер в мельчайших подробностях и ещё перечислила все вещи, которые сейчас лежали в комод, купленные специально для меня. Светик ни

разу меня не перебила, что показалось очень странным в её поведении вечно всё переспрашивать и задавать сопутствующие вопросы. Нет, один вопрос прозвучал.

– Сколько-сколько он заплатил за три дня? Пятьдесят тысяч?!

И больше вопросов не последовало.

– Свет, ты что молчишь? – забеспокоилась я под конец рассказа. – Ты меня слышишь?

– Да слышу я всё прекрасно! Одно непонятно! Как он поведёт себя, когда узнает, что ты не патронажная сестра? Деньги свои заберет назад или нет?

– Как он их заберет, если они на моём счете уже?

– Дура ты, Ленка! – в четыре часа утра Светик не церемонилась. – Так и заберет, очень даже просто. Скажет, верните мне всё обратно!

– А почему я должна их вернуть, если я всё отработаю, – возмутилось моё полусонное сознание.

– Ты что, собираешься там пробыть три дня?

– Ну, да. Пока Иван Федорович не вернётся из Парижа.

– Лен, ты нормальная? – голос подруги звучал уже тише и без особого интереса. – Зачем тебе это нужно! Возиться три дня с полоумным стариком и девочкой, у которой явные проблемы в общение только уже со своими сверстниками.

– Почему ты решила, что у Аси проблемы с общением? – я перешла на шепот.

– Потому что девочка семнадцати лет, как правило, на

свой день рождения приглашает целую кучу подруг и друзей. А кто сегодня был на её дне рождения?

– Никого, – приуныла я. – Только дед. Отец же срочно улетел в Париж.

– Леночка, Париж тут ни при чем! Уж поверь мне на слово. Чувствую я, попала ты в какое-то болото! Как бы не пришлось тебя из него вытаскивать.

– Светка, не нагнетай. Мне и так не весело было, а после нашего разговора и вовсе тухлятиной запахло.

– Вот и я об этом же. Слушай, Лен! Давай я утром за тобой приеду, адрес только пришли, а машину я раздобуду.

Я задумалась. Как-то совсем подло получалось, человек мне доверил свою семью, как говориться самое святое, а я его подведу – всё брошу и уеду. А почему собственно? Только лишь из-за ночных страхов своей лучшей подруги. Я собрала всю свою решительность в кулак.

– Нет, Светик, я не могу так поступить. Это подло.

– Лен, ты меня пугаешь! Кто в наше время живёт такими высокими идеями, как ты? Никто, Лен! Каждый живёт только для себя, ну ещё для своей семьи, может быть. И всё!

– Я и так всю жизнь живу для себя. Могу что-то сделать и для других, мне это не трудно. Это, во-первых.

– А во-вторых? – насторожилась Светка.

– А во-вторых, если бы ты видела Ваню, не стала бы так сразу рубить все концы, – выпалила я. И что на меня нашло?

– Какого Ваню? – вцепилась в меня подруга всеми когтя-

ми.

– Ну, Ивана Федоровича! – сразу поправилась я.

– Ты его уже Ваней зовешь?

– Свет, это только между нами, – предупредила я Светкино самосознание. – Толику ни слова!

– Могила! – прозвучала торжественная клятва.

– Светочка, ты не поверишь, таких мужчин просто не бывает, – зашептала я в трубку.

– Почему не бывает, у него что: три руки, две головы?

– Нет. Просто он весь такой нереальный... Помнишь, мне всегда один актер нравился французский?

– Это кто такой? Ален Делон что ли?

– Ну да. Помнишь?

– Прекрасно помню. Моя мама ещё о нём рыдала: «Красавец мужчина».

– Так вот. Ваня и есть этот самый Делон.

– Да, ладно! Такого не бывает! – в трубке послышалось Светкино хихиканье. – Ты что, много выпила?

– Когда я выпила, он уже в аэропорт уехал, – мне стало почему-то обидно. И больше потому, что мне не верила моя лучшая подруга! – Свет, я серьёзно говорю.

– Ну, хорошо, пусть серьёзно. Что ты с ним делать-то будешь? Он, наверное, окольцован уже давно, раз дочь имеется. Будешь разбивать крепкую советскую, то есть можно уже сказать буржуазную, семью? Как-то нехорошо...

– Семьи как таковой нет уже давно, – я понизила голос

до придела, боясь, что за стеной разбужу Асю. – Они живут раздельно. Он здесь, она – в Париже.

– В Париже, – мечтательно повторила за мной Светка. – В Париже и я бы пожила...

Молчание затянулось.

– Ну, так что, – вернула я подругу на землю, – что ты мне посоветуешь?

– Лен, ты у нас самая умная, как-никак экономфак окончила, вот сама и решай! Только держи меня обязательно в курсе, хорошо? Если что, сразу звони! В любое время суток! Я свой телефон на ночь отключать не буду, поняла? Всё, спокойной ночи! Толик уже на меня ворчит. Целую!

Я не успела сказать «пока», как в трубке послышались короткие гудки. Ну, вот и поговорили. А ещё подруга называется! Под утро я всё-таки, наверное, уснула. Потому что мне снился Ваня в светло-сером костюме в черной полумаске на лице, и острая длинная шпага, как серебряная игла, сверкала в его правой руке. Скакал он во всю прыть на черном чистокровном скакуне по просторам испанских прерий. И я точно знала, что этот красавец скачет за мной. Знаменитый фильм «Зорро» в главной роли с Аленом Делоном в детстве я просмотрела сто один раз.

Глава 5

Проснулась я от долгого неприятного жужжания под ухом. На тумбочке возле кровати тихо вибрировал и музыкально исполнял мелодию вызова маленький телефон. Я взяла его в руки и, щурясь от ослепительного солнца, попыталась прочесть название абонента. «Папа» – гласила короткая надпись. Кто бы это мог быть? Я осторожно нажала на кнопку вызова.

– Ася, слава богу! – понеслось из трубки. – Почему так долго не подходила к телефону? У вас там всё в порядке?

– Наверное, в порядке, – я ответила сдавленным голосом, соображая, что взяла по ошибке Асин телефон. Поискала часы, на тумбочке их не оказалось.

– Анастасия!.. Кто это? – мужской голос стал железным и властным. – С кем я говорю?

– Вы только не волнуйтесь, Иван Федорович. Это я.

– Кто я?

– Елена Алексеевна.

– А... – видимо, в его памяти не спеша всплывало моё лицо, – да, да, да... А где Ася?

– Она у дедушки, то есть у Леонида Аристарховича, – стала я врать напрапалую. – Кормит его кашей, а я на кухне готовлю чай. Сейчас поднимусь и передам трубку вашей дочери, хорошо?

В Париже повисла гробовая тишина. Я боялась даже пикнуть.

– Какая каша? – его голос вдруг стал нежным и очень вкрадчивым. Моё враньё сразу же накрылось медным тазом. По спине забегали мурашки. – Елена Алексеевна, а вы знаете, который сейчас час?

Всё! Я пропала! В моих глазах даже запрыгали кровавые девочки. Я быстро отключила телефон и ринулась в ванную.

Через десять минут облаченная в новую юбку и блузу «аля прислуга» я уже неслась по лестнице вниз, заглядывая по пути во все открытые двери. Аси нигде не было. На первом этаже столкнулась с милой очень симпатичной девушкой лет двадцати пяти. Одета она была в тёмно-синее платье скромного фасона, на тонкой талии повязан белоснежный фартук, на высоком лбу чепец горничной. Такое я только в английских фильмах видела. Девушка сосредоточено домывала последнюю ступеньку мраморной лестницы и что-то тихо напевала себе под нос. Заметив меня, быстро отступила в сторону и прижалась к стене.

– Ася где? – только и успела выпалить я, как дверь под лестницей распахнулась, и Ася собственной персоной вышла из просторной гостиной, где вчера вечером её отец громко спорил на экстренном совещании.

– Вот! – протянула я маленький телефон. – Отец звонил! Я по ошибке ответила. Теперь не знаю, что будет...

– Доброе утро, – Ася спокойно взяла свой телефон, про-

верила список вызовов. – А я его с самого утра ищу. Так и подумала, что вчера ночью у вас его оставила. А входить постеснялась, вы спали...

– Ася, позвони ему, пожалуйста... Я переживаю, правильно ли он всё понял... ну, что я сказала по ошибке...

– Вы не переживайте так, Елена Алексеевна, – улыбка девочки всего лишь на секунду озарило её лицо. – Папа далеко... У него свои проблемы, а у нас – свои.

– А какие у нас уже проблемы? – руки сами вцепились в перила.

– Вот это Маша, – Ася представила мне молодую девушку, которая так и стояла неподвижно у стены и слушала наш разговор. Девушка присела, кивнула головой. Все её движения были заучены и отработаны на совесть.

Я судорожно сглотнула. Вот она – капиталистическая система. Рабы не мы, мы не рабы, но зарабатывать на жизнь как-то надо! Я, в принципе, не против работать «на чужого дядю», но слишком уж это всё унижительно и несправно почему-то получается. Не привыкли мы перед богачами спины гнуть, не за то боролись в семнадцатом году!

– Маша у нас исполняет функции горничной, – поясняла мне дальше Ася. – Убирает нижний этаж, стирает, гладит бельё, меняет постели, следит за гардеробом отца, рубашки, костюмы и всё такое. Но сегодня утром выяснилось, что Катя, то есть Катерина Викторовна не пришла на работу, а Маша совсем не умеет готовить. Что делать? В доме шесть че-

ловек, их надо кормить.

Ася смотрела на меня и ждала ответа.

– Я так поминаю, у нас нет сегодня кухарки? – дошло до моего оторопелого сознания.

– Катерина Викторовна шеф-повар престижного ресторана, – не побоялась вставить своё слово Машенька, глядя предано в глаза своей хозяйки.

– Да нет же, – перебила её Ася, – папа привёз её из маленькой деревушки Прованса. У неё там был свой ресторанчик, но не очень рентабельный. Отец предложил крупную сумму за работу в России, женщина согласилась, приехала и работала в этом доме почти год. А теперь мы её не можем нигде отыскать, телефон не отвечает...

– Кухарка из Прованса! – невольно присвистнула я.

– Они там с мамой в отпуске отдыхали, давно...

– Тогда почему её зовут Катерина Викторовна? – не поняла я.

– Это мы её уже так прозвали, шутя, на русский манер, – пояснила Ася.

– Ну, ладно. А ещё женщины в доме есть? – поинтересовалась я в надежде, что не придётся целый день стоять у плиты, к тому же и готовить я хорошо не умела.

– Нет, – Машенька и Ася ответили одновременно, разом.

– А который теперь час? – почему-то спросила я.

– Одиннадцать уже было, – последовал ответ.

Одиннадцать часов! Выходит я проспала свой первый

день работы на новом месте. Ну и хороша патронажная сестра!

– Ася, мне же дедушкой надо заниматься!

– Я его уже покормила, таблетки он принял. Сейчас сидит, читает свои книги. С ним всё в порядке. Обед в два часа. Чем кормить будем?

– Кого? – мысли мои путались, я ничего не соображала.

– И дедушку, и нас, и всех остальных. У нас еще два охранника в доме остались на выходные дни, пока отец не вернётся.

Ася и Маша смотрели на меня. Я была старше, естественно опытнее, готовить еду, как тут не крути, женское предназначение, и, видимо, эту роль девушки по обоюдному согласию решили предоставить мне. Ладно! Не принцесса, рук не замараю!

– Хорошо, – решение пришло быстро, мысли сразу стали деловые и предприимчивые. – Пошли на кухню, посмотрим, что у нас есть.

– У нас есть всё! – Машенька бросила в коридоре свою швабру и побежала за мной, тараторя на ходу. – Продуктов много, целый холодильник! В заморозке мясо, куры, рыба, креветки. Чего там только нет. В кладовой овощи и фрукты. Два мешка белой муки. Леонид Аристархович блинчики на полдник любит с липовым мёдом...

Я молча слушала и думала: «Блинчики!». Боже мой, это же шедевр кулинарии, куда мне до этого! В лучшем случает

омлет или бульон из курицы, ну еще овсяная каша в микроволновке! На этом все мои кулинарные способности заканчивались! А тут каждый день блинчики! Я пропала!

– Здесь плита, духовой шкаф, кофемашина, электромясорубка, гриль, – Ася быстро, без лишних разъяснений, по-хозяйски показывала мне обустройство кухни. – Холодильник. Морозильная камера в кладовой, вход под лестницей, где мы с вами вчера встретились. В шкафах посуда, вилки, ножи, ложки, столовые приборы. Все работники обедают на кухне, папа, если с гостями, в столовой, а деду я отношу еду наверх. Там и сама ем вместе с ним, чтоб не скучно было.

Она развела руками.

– Ну, вроде всё! Вы здесь начинайте, а я дедушку провожаю, заодно и папе позвоню. Если будут вопросы, Маша вам всё покажет. – Ася взяла из огромной вазы зеленое яблоко и покинула кухню. Мы с Машенькой остались одни.

Нет, не одни. В углу за разделочным столиком незаметно притих Олег. Он что-то обводил в газете, просматривал страничку с объявлениями. Перед ним дымилась чашечка черного кофе. От его аромата у меня заурчал живот. Скоро двенадцать часов, а я ничего не ела!

– Ну, что же! Чашечка кофе и нам не помешает, – я взглянула на Машу. Та лишь мило улыбнулась и направилась к двери.

– Мне ещё второй этаж мыть, потом бельё гладить, – пояснила девушка.

– Машенька, – остановила я её, – хозяин приедет только через три дня. Вот перед его приездом всё и вымоете.

– На всех этажах камеры, и в комнатах тоже, – тихо проговорил Олег, не отрывая взгляда от газеты.

– Тотальная слежка, – я принялась готовить кофе.

– Можно и так сказать, – отозвался охранник.

– Черт! – я прикусила губу. – А в ванной?

– Нет, конечно! – мне показалось, что Олег даже обиделся на мои слова. – Камеры только в общих комнатах. В кабинете хозяина и в спальнях их нет.

Слава богу, хоть спать можно спокойно! Хотя меня и это не очень обрадовало. Какая разница – следят за мной или нет, всё равно этот дом уже не казался таким уютным и привлекательным, как вчерашним вечером. Тюрьма какая-то, а не дом!

Поставив свою чашку на стол, я решительно присела рядом с Олегом. Он покосился в мою сторону, ничего не сказал, но газетку свернул и отложил на край стола.

– Решили работу сменить? – почему-то спросила я.

– С чего вы взяли?

– Объявления смотришь, что-то обводишь. Уже есть варианты?

– Нет. Машину просто хочу купить.

– Денег накопил?

– Хватает.

Разговор не клеился. Резидент не кололся. Серьёзный па-

рень попался, ни дать ни взять – завербованный шпион! Я решила пойти на хитрость.

– А немало ли одного охранника для такого большого дома? Всё ведь трудно одному охватить.

– На въезде Михаил в сторожке сидит, – не глядя на меня, ответил Олег. – У него шесть камер наружного наблюдения по всему периметру, и весь внутренний двор осматривается. На мне только дом: кто входит, кто выходит. Работа не сложная, не пыльная. Сюда ни одна мышь не проскочит.

– А в принципе, – не отставала я, – от кого так тщательно охраняемся, кого боимся? – постаралась разрядить обстановку и даже мило улыбнулась. Улыбка на Олега не подействовала. Он нахмурился ещё больше.

– Известно, от кого. От грабителей. По посёлку много всякого народа шатается. Есть дома недостроенные, там всякий сброд зимует. Пьяная молодежь частенько на мотоциклах по улицам газует. Наш дом большой приметный... привлекательный что ли, – Олег стал путаться в определениях, ступешевался, замылся. – В общем, в глаза издали бросается. Тем более принадлежит зажиточному человеку, а для грабителей это только лишний соблазн. Иван Федорович подолгу в командировки уезжает, отсутствует так сказать. За Анастасию Ивановну и её деда заступиться некому. Вот с ними здесь и живем почти сутками, пока напарник не сменит. Он ещё в главном офисе в Москве охранником работает. Зовут Никита. А Михаила сменяет через сутки Владимир Александро-

вич. Он у нас самый опытный сторожил, сорок лет в охране МВД прослужил. Так что не беспокойтесь, Елена Алексеевна, мышь не проскочит...

– То есть в Багдаде всё спокойно, – хотела я пошутить, но шутка почему-то не получилась. Видимо, молодое поколение не было хорошо знакомо с отечественным кинематографом.

– При чем тут Багдад? – Олег допил кофе, поднялся из-за стола, тщательно свернул газету, засунул в боковой карман. – Я на пост. Если что, вот рация. Кнопка вызова, кнопка приема. Я-второй, Миша-первый.

– Поняла. Первый, первый, я второй, – и снова шутка моя не удалась. Олег окинул меня невозмутимым взглядом и с каменным лицом вышел в коридор. Его удаляющиеся шаги были совсем не слышны, мягкий ковер поглощал все звуки.

Я осталась одна. Осмотрелась. Да, кухня была шикарная. Огромная, яркая, вся в полироли и стекле. Дизайн по последней моде! Красивые сковородки, кастрюли, сотейники, дуршлаг и поварешки. Всё было начищено и блестело как от яркого солнца. От всей этой красоты мне стало как-то нехорошо. Не могу сказать, что я совсем уж была такой белоручкой и ни к чему не приучена. Нет, конечно. В своё время мама нас с Лёлькой каждое воскресенье исправно ставила к плите и давала мастер-класс по домашней готовке, но на этих занятиях всё получалось только у сестры, я же молча стояла в сторонке и умиленно восхищалась её достигнуты-

ми результатами. Лёльке, в конце концов, это всё пошло на пользу. Она прекрасно готовит и по сей день, и каждый раз пытается чем-нибудь удивить свою семью на редких праздничных обедах. Что касается меня, то тут программа дала сбой. Никогда не заморачивалась что приготовить и что поесть, современные супермаркеты предлагают на ужин всё, что душе угодно, только есть это почему-то не хочется. Одинокой женщине прокормиться проще, там чаёк, там бутербродик, много не есть, чтобы не испортить фигуру, а вот готовить для целой семьи или для шестерых человек, и чтобы это можно было съесть... Да, потребуется помощь зала, или хотя бы звонок другу. Я быстро набрала телефон сестры.

– Лёлька, привет!

– Лен, ты куда пропала?! Мама уже всех твоих подруг обзвонила, – голос Лёльки был замученный и тихий. Возле трубки плакала дочка.

– Что, Анютка опять заболела? – посочувствовала я.

– Да каждую неделю что-нибудь происходит. То зубы режутся, то кашель. У тебя-то как дела? Завтра на обед приедешь?

– Нет, сестрёнка, прости, не могу. Занята очень. Долго рассказывать.

– А если в двух словах, – тоска в голосе Лёльки меня сильно подкупила.

– Если в двух словах, то нашла на свою голову подработку. Нужно присмотреть всего три дня за пожилым человеком,

он в инвалидном кресле. Но у меня проблема. Нужна твоя помощь.

– Какая? – Лёлька оживилась.

– Сегодня мне нужно быстро приготовить обед к двум часам приблизительно.

– Из чего?

– Полный холодильник продуктов, но мало времени и опыта никакого нет, ты же знаешь...

– Про твой опыт легенды ходят. Ну, ладно. Курица есть или даже две?

– Есть.

– Тогда слушай, а лучше записывай...

Через пятнадцать минут я уже раскладывала по списку все необходимые ингредиенты для домашней лапши, курицы с грибами и картошечкой, свежего зеленого салата из тепличных помидоров и огурцов, и еще для самого простого кекса к чаю. Вот с кексом Лёлька всё-таки переборщила! Мне хотя бы с лапшой управиться! И я решительно отставила муку и яйца в сторону. Ну-с, приступим!

Конечно, после изысков французской кухни, к которой здесь наверняка уже успели привыкнуть и прикипеть, моя простая стряпня покажется совершенно безвкусной и пресной, но если хорошо постараться, то и в простой стряпне можно найти свои прелести. Я летала по кухне, гремя новомодными кастрюлями и поварешками, словно шеф-повар элитного ресторана. Вода для бульона начинала закипать, ку-

рицу я успела уже разделить на порции, картофель был почищен и бело-желтой горкой лежал на столе. Краем глаза я заметила, как из-за угла двери за мной наблюдает Маша. Очень уж ей было интересно, что делается на кухне вместо французской поварахи.

– Машенька, а вы мне сможете помочь накрыть на стол? – позвала я девушку, когда закипел бульон, и я смогла оторваться от плиты.

Она подошла ближе, пожала плечами.

– А какой стол? – девушка растеряно осмотрелась вокруг себя.

– Ну, где вы обычно обедаете?

– Кто в подсобном помещении, кто здесь, в уголочке за этим столиком.

– А Анастасия Ивановна с дедушкой?

– Она ему наверх всё относит по выходным, а в будни Кати его кормит. Он из комнаты не выходит.

– Как не выходит? Всегда? – оторопела я, но тут же опомнилась. – Ну, понятно, что старик на коляске и ходить не может, а гулять-то на улицу его вывозят?

– Нет, – Маша захлопала ресницами.

– Почему?

– Не знаю, наверное, не надо ему...

– Странно, как-то это всё у вас, – задумалась я, позабыв про кастрюлю. Бульон перекипал, пришлось уменьшить огонь.

Вдруг меня осенила хулиганская идея!

– Маша, в гостиной есть небольшой стол. Помогите мне его накрыть, как полагается. Скатерть, салфетки, приборы и даже бокалы.

– Зачем? – девушка даже попятилась от меня.

– Вчера у Аси был день рождения, и я хочу сегодня порадовать её праздничным обедом, ну и вообще, поднять ей настроение.

Конечно, я и сама испугалась такой смелой мысли, да и количества блюд для праздника явно не хватало, но отступить не хотелось.

– Я видела в холодильнике большой торт, – прошептала Маша. – Это Иван Федорович привёз его для Аси еще два дня назад, и забыл, наверное.

– Очень хорошо! Торт как раз нам подойдёт, чтобы с кексом не возиться! – А то, что отец забыл его вручить дочери, я даже и не удивляюсь. – Мы вынесем его со свечами, я где-то видела их здесь на полке...

Через час всё было готово. Сервированный по всем правилам приличного дома стол ожидал обеда. Блюда подходили до нужной кондиции и даже на первый взгляд казались очень аппетитными. Оставалось самое главное – доставить деда в гостиную. За последний час Ася на кухню не являлась, и я подумала, что она сидит наверху с Леонидом Аристарховичем. Посланная на разведку Маша доложила, что дед в своей комнате один, а из комнаты Аси доносится музыка. Всё

складывалось как нельзя кстати. Я нажала на рации кнопку вызова.

– Второй, второй, как слышите меня, приём! – едва сдерживая смех, стала ожидать ответа.

В трубке что-то затрещало, потом раздался щелчок и послышался бодрый голос Олега.

– Второй слушает! Что случилось?

– Второй нужен срочно на кухне. Как поняли меня? Срочно! Приём!

– Вас понял! Сейчас буду!

Уже через минуту Олег влетел на кухню с огнетушителем, на ходу срывая кран и выставляя вперед рожок. Я так рот и раскрыла! Обалдеть можно совсем от этих охранников! Ну не да такой же степени надо всё так буквально понимать!

– Олег, вы что! Зачем это вам?

– Я думал, у вас что-то горит, – молодой человек оглядел помещение, засмутился и спрятал огнетушитель за спину.

– У меня к вам серьезное дело, а вы со своими глупостями, – едва сдерживая смех, я старалась напустить на себя как можно большей серьёзности. – Вы можете перенести Леонида Аристарховича в столовую? Ну, хотя бы на руках, – поинтересовалась я, отбирая у Олега красный болон огнетушителя.

– Могу, конечно, мне не трудно. Я каждый день его в кресло переношу из кровати, а вечером обратно.

– Тогда быстро наверх и не шуметь...

Вместе с Олегом мы вошли в комнату деда. Он тихо сидел в своём кресле и читал книгу. Завидев меня, обрадовался, чуть ли в ладоши не захлопал.

– А я вас всё утро жду, Елена Алексеевна! Куда вы делись? Думал, что сбежали от нас, испугались!

– Произошла накладка, Леонид Аристархович, – стала я объяснять. – Кухарка ваша не пришла сегодня на работу, поэтому Ася попросила меня обед приготовить. А готовить я не очень умею, вот и задержалась. Но у нас сюрприз!

Глаза деда оживились, в них забегал провокационный огонёк.

– Какой же сюрприз?! Не томите старика, рассказывайте!

– Мы сегодня обедаем в столовой в тесной, но очень дружной компании. А для этого Олег снесёт вас вниз, – продекларировала я торжественно. – Удивила?

– Ещё как! Вполне! Я в столовой уже давненько не обедаю.

– Тогда позвольте Олегу вас перенести. Там тоже есть удобное кресло.

– Давайте, – дед согласно взмахнул рукой. – Гулять, так гулять!

Всё получилось просто великолепно. Легкого, почти невесомого старика Олег перенес с третьего этажа как пёрышко. Увидев сервированный стол посередине красивой столовой, Леонид Аристархович просто взвыл от восторга.

– Какая же вы молодец, Елена Ляксева! Такого праздника у нас уже давно не было.

Мы с Олегом придвинули кресло вплотную к столу, на коленях у деда я разложила салфетку.

– Всё как-то повода не было, да и у Ивана вечно то одни гости, то другие. Нас с Асей он почти никогда не зовёт на торжества, неудобно, видимо, ему меня показывать...

Пока я вносила супницу и хлеб на блюде, дед, не торопясь, рассказывал про своё житьё в доме у зятя. Он не жаловался, нет. Просто по секрету делился некоторыми моментами, о которых, наверное, никогда бы не пожаловался ни Асе, ни Ивану Федоровичу.

– ...я же некапризный, довольствуюсь малым... Главное, что я здесь, в России рядом с Любушкой...

Его рассказ прервали. Посланная за Асей, Машенька быстро вошла в столовую.

– Елена Алексеевна, она плачет! Не знаю, что делать. Идти не хочет...

– Кто плачет? Ася? – забеспокоился дед.

– Да, там музыка громко играет. Я дверь приоткрыла, а она сидит на кровати и плачет...

– Маша, побудьте здесь, наливайте сок по бокалам, а я сейчас.

Поднимаясь по лестнице, я лихорадочно подыскивала нужные слова, которые могли бы успокоить несчастную девушку. В первый раз мне так, один на один, приходилось беседовать с взрослым ребенком. Я уже приготовила целую кучу слов и подняла кулак, чтобы постучаться, как дверь перед

моим носом открылась и на пороге стояла Ася в прекрасном настроении. Глаза только были немножко красные, а в остальном полный порядок.

– У тебя всё нормально? – поинтересовалась я.

– Да. Я уже собралась деда идти кормить, – Ася улыбалась через силу, это было заметно.

– Пойдём, только ничему не удивляйся...

Войдя в столовую, она замерла на пороге, потом ожила и захлопала в ладоши. Восторг её был неподдельным.

– Дед! И ты тут! Вот здорово!

– Да, – радостно сиял Леонид Аристархович, – в кои-то веки сподобился спуститься вниз. И всё благодаря Елене Алексеевне. Вот спасибо, уважили старика! Ну а кормить-то будут сегодня? Я что-то на радостях проголодался.

Уселись все за стол, и Маша с нами, даже заставили сесть Олега, хотя он упирался всеми своими частями тела, ссылаясь на то, что не может оставить свой пост без присмотра. Михаил наотрез отказался идти в дом, весь обед ему отнесла Маша в сторожку в термосках.

Леонид Аристархович в мельчайших подробностях рассматривал обстановку столовой комнаты, картины на стенах, вазы за стеклом посудных шкафов, огромный мягкий ковёр. Он словно ребёнок вертел головой во все стороны, любопытствуя и интересуясь всем, и при этом успевал отпускать замечания и мне, и Асе, и Машеньке.

– Вот этот бокал должен здесь стоять, а вилочка сбоку.

А супник на подносе обязательно должен располагаться, а салфеточки, салфеточки-то кто ж так складывает!

– Дед, – не выдержала Ася придирок, – можно подумать, что ты с королями всю жизнь обедал!

– Ну не с королями, конечно, – поскромничал Леонид Аристархович, – но с князем один раз ужинал почти до утра... Да, было дело...

На несколько секунд он замолчал, видимо, вспоминая приятные моменты прошедшей молодости, но пауза длилась недолго.

– Так, а по какому случаю сегодняшний банкет? Повод есть?

– А почему нужен какой-то повод? – такого вопроса я не ожидала, почувствовала легкую панику и уже стала сомневаться в своей затее. – Тем более что у вашей внучки был вчера день рождения.

– Вот это правильно! – сразу же оживился дед. – Это повод хороший, и ничего, что день рождения был вчера, мы и сегодня его с удовольствием продолжим.

Разлили суп по красивейшим тарелкам. Горячая картошка с грибами, запеченная с кусочками курицы, дымилась посредине стола на фарфоровом противне. Дед потянул аромат носом, от удовольствия прикрыл глаза.

– Да-а, – крикнул он. – Это вам не французские супы да рататуй, это русская кухня! А лапша у вас замечательно получилась, Елена Ляксевна, первый сорт!

Я чуть не подавилась. Уж чего-чего, а похвалы никак не ожидала, да еще с первой ложки. Как-то больно скоро стал меня дед хвалить, точно не понравилась ему моя стряпня!

– Вы, наверное, преувеличиваете, Леонид Аристархович, – я осторожно стала заходить издалека. – Надо признаться, готовить-то я не очень умею, и честно, не люблю. Практики маловато будет, как говорится. Сестра моя изумительно готовит, от мамы, видно, талант передался. И жаркое, и пироги разные, по этим делам она мастерица. А я так, на подхвате всегда стояла.

– Не скромничайте, не скромничайте, – замахал руками дед. – Лучше добавочки мне подлейте. Вернется наша Катя, не поем я такого отменного супа, больной коленкой чувю, не поем!

– Да ладно тебе, дед, – Ася немного развеселилась, – мы по выходным дням будем Елену Алексеевну просить готовить. Она и меня научит, дело нехитрое – суп сварить.

– Нехитрое, – передразнил внучку Леонид Аристархович. – Кулинария – это талант, если не призвание! Но можно, конечно, и научиться, это ты правильно подметила. Вот и учишься, а я вам, девочки, еще мастер-класс покажу по ушнице!

– Так вы умеете готовить? – я была поражена.

– Когда-то неплохо с этим справлялся, – заулыбался дед, протягивая мне пустую тарелку. – Были времена, кашеварил на общей кухне, ну это потом сказки будут рассказываться, а теперь второе блюдо подавайте...

Я стала раскладывать картошечку с мясом. Леонид Аристархович от предвкушения потёр руки. Если подумать, смех, да и только! Я в богатом шикарном доме, в небедной семье русского предпринимателя, члены которой привыкли каждый день употреблять в пищу разносолы изысканной французской кухни (с кухаркой из Прованса!), готовлю банальную картошку с грибами и курицей, и все довольны, и все это едят даже с превеликим удовольствием! Если рассказать Лёльке, не поверит!

– Что вы не говорите, – Леонид Аристархович обратился к молчаливому Олегу, который за весь обед даже звука не произнес, – а наша русская еда это картошка! И не спорьте, братец! – Олег из вежливости перестал жевать, а дед продолжал. – Как удачно её нам Пётр завёз. Она и кашу заменила, и пареную репу. А теперь без неё русская кухня не кухня вообще, а так, непонятно что! Мне ещё добавки, Елена Алексеевна!

– Дед, тебе плохо будет, – предупредила Ася.

– У меня таблетки есть, – отмахнулся тот.

– Ты же их не пьешь! – возмутилась внучка.

– Вот теперь с нормальной едой и пить буду. Кстати, девочки, о питье. Бокалы стоят, а ничего не наливаете.

Олег первый схватился за графин с апельсиновым соком.

– Ой, только не эту кислятину, у меня после неё изжога, – запричитал театрально Леонид Аристархович.

Олег в нерешительности замер над столом с вопроситель-

ным взглядом. Ася категорично замотала головой.

– Он вчера коньяк пил, – выдала она деда. – Если отец узнает, будет скандал. Я лучше морс принесу.

Ситуация разрешилась сама собой. Маша подскочила со своего места.

– Я же чайник забыла поставить, сейчас сервиз принесу.

– Чай – это хорошо! – согласился дед и отказался от добавки. – Лучше чаю попью. Так оно надёжнее...

В столовой повисло минутное молчание. Олег делал мне какие-то незаметные знаки, но я не обращала внимания. Двери в гостиную были плотно прикрыты, но за матовыми стеклами уже два раза промелькнула какая-то тень. В доме посторонних не было, это я знала точно, и тень показалась мне от окна, может быть, от дерева за окном. Ася принесла морс, Маша расставляла чашки с блюдцами. Торт мы припрятали как раз в соседней гостиной, договорились, что пока я буду разливать чай, Маша незаметно выйдет и зажжет на нём свечи. Когда я убрала лишнюю посуду со стола и принесла чайник, Маша решила открыть дверь в гостиную.

– Митька, фу! – вскричала девушка от испуга и отпрянула к стене.

В комнату, стоя на задних лапах, просто ввалилась огромная псина, чуть не положив бедную Машу на лопатки.

– Господи! – вырвалось у меня, – а это ещё что за чудо! – кипяток переливался из чашки на стол и стекал уже на ковёр. Олег аккуратно выхватил у меня горячий чайник. – Что это

за чудовище?

– Это наша Митька! – Ася подскочила с места, взяла собаку за ошейник. – Ты зачем озорничаешь, где твоё место?

– Это мальчик? – допытывалась я.

– Нет, девочка!

– Тогда почему мужское имя?

– А, обычная история, – Ася нежно гладила шею собаки. – Принесли щенка, думали мальчик, назвали Митюшей. А через полгода оказался не мальчик, а совсем наоборот. Но имя менять не стали. Вот так и живём.

Я присмотрелась. Собака была удивительная! Русская борзая с чубарым окрасом! Вся рыжевато-серая с черными полосками по бокам, а вытянутая морда белая с оранжевым подшерстком, и только на кончиках ушей черные пятна. От такой красоты я просто замерла! Ну, надо же, ведь не побоялись завести такую исключительную породу. Таких собак в городе не встретишь, большая редкость, требуют они тщательного ухода, а особенно выгула. Охотничья порода это не просто пафосные слова, здесь действительно требуется настоящая охота, иначе животное зачахнет, и начнутся бесконечные проблемы со здоровьем. Помню, очень мы с Лёлькой хотели собаку, и как назло, ей на день рождения тётка подарила целую книгу о русских заводчиках и новых выведенных породах. На первой странице был красочный рисунок старинной усадьбы и приличная свора борзых, которые ожидали своего часа, теснясь к ногам розовощекого барина.

Под картинкой стояла краткая надпись: «Подготовка к охоте». Помню, мы целую неделю не выпускали эту книгу из рук, и всё нам хотелось кого-нибудь поскорее завести. Но мама категорично убила нашу мечту в самом её зарождении, и вместо щенка однажды принесла в коробке двух серых хомячков, а книга была заброшена на самую верхнюю полку шкафа. С тех пор прошло сто лет, и мечта успела позабыться. И вот теперь я с благоговением стояла перед своей мечтой.

Митька была мне если не по грудь, то по пояс, это точно. Если встанет на задние лапы, будет выше меня на две головы. Розовый длинный язык смешно свешивался на бок из распахнутой пасти, от теплого дыхания колыхался край ска-терти, а уши мягким плюшем свисали вниз.

– Погладьте, не бойтесь, – предложила мне Ася.

Я осторожно подошла к собаке. Новый человек, новый запах. Митька стала принюхиваться к моей юбке. Её поджарые бока судорожно вздрагивали при каждом вздохе, изогнутый хвост монотонно раскачивался, как метроном. Я подставила под собачий нос ладонь. Шершавый язык обследовал мои пальцы и смачно прошелся по всей пятерне, оставляя скользкие липкие слюни. Контакт был налажен!

– Она вас приняла, – уточнила Ася. – Теперь, если встретите её в комнатах, не бойтесь.

– Да я и не боюсь, – счастьем моему, почему-то, не было придела. Какой удивительный дом! Столько сюрпризов!

– Давайте уже чай пить! – закапризничал дед. Всё внима-

ние перешло к собаке, и он стал скучать.

В столовую вошла Машенька. На вытянутых руках она несла большой торт, свечи ярко горели, затмевая даже люстру под потолком. Ася вся светилась от счастья.

– Это мне? – не верила она. – Это всё для меня?

– Конечно, для вас, Анастасия Ивановна, – Олег изумил меня своим красноречием. – Иван Федорович еще в пятницу утром велел его доставить из ресторана.

– Ресторанный, – дед скривил нос, но сразу же опомнился. – Ну, ничего можно и такой поесть.

Задули свечи, разлили чай. Ася сама разрешила торт на кусочки, разложила всем на блюдца. Стали пробовать. Так, ничего, вроде вкусно, вроде есть можно. Но дед всё равно поглядывал в мою сторону и многозначительно покашливал.

– Намеки ваши, Леонид Аристархович, – не выдержала я, – очень хорошо понимаю, но торты печь абсолютно не могу. Я даже не знаю, что с вашими блинчиками делать!

– А что с ними делать? – изумился дед. – Наболтали тесто пожиже, и вперед! Была бы сковорода подходящая.

– Этих сковородок на кухне целая гора, – отозвалась Машенька.

– Ну, вот и отлично! – дед сразу подхватил инициативу. – Я вам всё покажу, Елена Алексеевна.

– Дедушка, у тебя режим, – напомнила Ася.

– Отстань, ты ради Христа! – снова отмахнулся дед. – В кои-то веки у нас в доме нормальная женщина появилась, а

я должен режим соблюдать. Отец твой тоже всё время меня хочет в постель уложить. Рано ещё... , ещё поживем, правда, Елена Алексеевна?

Я только улыбнулась. Ну, раз меня назвали «нормальной женщиной», тогда, конечно, поживем. Деду я уже понравилась, это было видно и без каких-либо доказательств. Могу поспорить, что старшее поколение мужчин в отличие от современных представителей этого вида как-то быстро и в точности правильно может определить «подходящую» для их общения женщину и никогда не ошибутся. Более того, они легко и непринужденно умеют наладить беседу и никогда не боятся быть смешными или наивными, потому что уверены на сто процентов – женщина, умеющая более тонко чувствовать взаимоотношения, это оценит и посчитает довольно милым и забавным, и обязательно не останется в долгу. В чём заключается этот долг, спросите вы. Ну конечно, в ответном общении! В преклонном возрасте мужчину уже занимает не пылкая страсть и роковая любовь, а интересная и умная собеседница, которая может не только часами напролёт слушать своего старого друга, но и по мере сил поддерживать разговор, а лучше всего удивлять, изумлять и преподносить сюрпризы, конечно, в нормальном смысле этого слова! И раз меня определили в разряд нормальных женщин, а это была самая, что ни на есть, наивысшая похвала, в этом можно было не сомневаться, я должна была соответствовать данной категории и соответствовать достойно.

Пока за пустыми разговорами ели торт и пили чай, Митька сидела в уголочке и вела себя достаточно прилично. Но стоило лишь начать греметь пустой посудой, собака заволновалась и стала чуть слышно повизгивать.

– Её, наверное, покормить надо, – предположила я.

– Да надо, – отозвалась Машенька, унося по ходу поднос с чашками. – Только работы выше крыши. А корм стоит в кладовке под лестницей. Там целый мешок. Только она его не любит, по два дня может голодать, только воду пьёт.

– Почему не любит? – удивилась я. Маша пожала плечами.

– По хозяину скучает, наверное. Когда Иван Федорович уезжает, всегда так: лежит возле камина и пьёт воду.

Странное, конечно, поведение у собаки. Но её можно понять. На её месте я бы тоже, наверное, заскучала, тем более, о таком хозяине!

– Митюша, – позвала я собаку, – пошли со мной!

Борзая подскочила с насиженного места, уныло поплелась за мной на кухню. Там в отдельной кастрюльке я сложила шкурку и мягкие косточки от вареной курицы из бульона. Выложила всё на пол на салфетку, Митька стала обнюхивать подавание. Запах понравился, попробовала языком. . . . И дело пошло на лад. Косточки захрустели на зубах, через минуту пустая салфетка прилипла к языку. Жалостливые глаза просили ещё.

– Всё, больше нет, – я демонстративно развела руками. – Да тебя и кормить много нельзя, фигуру только испортишь,

как за зайцами бегать будешь?

– За какими зайцами, Елена Алексеевна! – Машенька загрузала посудомоечную машину и прислушивалась к нашей беседе. – Её сутками никто не выгуливает, некогда, а с чужими она не гуляет. Лежит целыми днями у порога. Тоска одна.

– Такой собаке нужны дальние прогулки и желательно поле, чтобы набегаться вдоволь, – у меня опустились руки.

– Какое там набегаться, – отмахнулась Маша и больше говорить ничего не стала. На кухню вошел Олег.

– Я на пост.

– Погодите, у меня ещё одна просьба. Перенесите деда в гостиную. Хорошо?

Охранник молча кивнул головой.

– Пойдем, Митюш, – позвала я за собой борзую, – как-нибудь и твою проблему решим.

Олег и собака последовали за мной в столовую.

– У меня интересное предложение! – объявила я громко.

– Так, – встревожился Леонид Аристархович. – Мне определенно нравится эта женщина!

– Я предлагаю не подниматься наверх, а провести вечер в гостиной с дополнительной программой мастер-класс «а-ля блинчики»! Как вам моё предложение?

– Мне уроки делать надо, – запротестовала Ася, – завтра контрольная по алгебре.

– Хорошо, когда сделаешь уроки, можешь к нам присоединиться, ну как? – я рассчитывала на поддержку.

– Идея превосходная! – щеки у деда даже зарумянились от восторга. – Только сегодня день оперы.

– Вы любите оперу? – поинтересовалась я.

– Обожаю! По телевизору «Травиату» будут показывать, по «Культуре».

– Тогда Олег устроит вас на диване, а мы с Анастасией Ивановной составим вам компанию.

– Ну, ладно – согласилась Ася, – до вечера ещё далеко, постараюсь всё успеть, а потом к вам присоединюсь. Я к себе...

Она помогла убрать остатки торта, чмокнула деда в щеку и упорхнула наверх. Ну что ж, уроки есть уроки. Пусть девочка занимается, она и так мне очень помогла.

– Елена Алексеевна, – охранник тихо подошел ко мне со спины и зашептал на ухо. – В гараже есть старое инвалидное кресло на колесах. Его можно отмыть и в дом принести.

– Кресло? Очень хорошо, – я засомневалась только на секунду. – Знаете что, Олег, в дом его не надо нести. Достаньте, приведите в порядок и подкатите к крыльцу. А кресло из комнаты Леонида Аристарховича нужно спустить сюда, это возможно?

– Сделаю.

Через десять минут Олег уже вкатывал кресло в столовую. Деда усадили на место, решили прокатиться по гостиной.

– Если открыть настежь все межкомнатные двери, – распорядился Леонид Аристархович, – то я спокойно и сам могу по всему этажу передвигаться, а если что, Олежек рядом.

Это было разумное предложение, так и сделали. Олег прошелся по всем комнатам и зафиксировал двери в открытом положении. Дед смело направил колеса в гостиную, ему никто не помогал.

Комната оказалась очень просторной с тремя высокими окнами во всю стену. Поделена она была на две зоны. В одной большой камин с креслами и журнальным столиком, в другой – широкий диван с множеством подушек и огромной плазмой на полстены. Ворсистая ковровая дорожка посередине мешала свободному проезду инвалидного кресла. Мы с Машей решили её свернуть и убрать в сторону, такая же участь постигла и ковер в столовой. Зато стало удобно, просторно и уборки поменьше – полы тряпкой протёр и всё блестит. Пока на скорую руку прибирались в комнатах, Митька успела нас опередить и важно разлеглась во всю длину на белоснежном диване перед телевизором, показывая, что место в опере уже занято.

– Фу, бестолковая собака какая, – Маша замахала на неё руками, та в свою очередь оскалила зубы. – Наказание просто, а не собака. Я каждое утро этот диван от шерсти чищу, а она снова на него ложиться. Место твоё где, а, где место?

– Маша, вы так ничего не добьётесь, – будем пробовать на практике талант дрессировки. – Митюша, – ласково позвала я, – хорошая собачка, хорошая. Смотри, вот твоё место, – я присела на небольшой белоснежный ковёр перед диваном и погладила ворс рукой. – Иди сюда, иди.

– Митька, – прикрикнул на собаку дед, – слушаться Елену Алексеевну!

Не знаю, чей аргумент оказался убедительнее, но собака послушалась. Зевнув два раза во всю собачью пасть и обнажив все свои острые зубы, она, нехотя, просто через силу, сползла с дивана и улеглась на ковре. Олег усадил деда на диван.

– Чудеса, да и только! – Маша ликовала. – Теперь хоть управа будет на эту псину, а то кроме Ивана Федоровича она никого слушает.

Ну, что ж, можно попробовать и золотое правило женской дрессировки: прежде чем найти подход и приручить хозяйна собаки, нужно найти общий язык с его питомцем. Я незаметно подмигнула Митьке, и в этот момент мне отчетливо показалось, что она мне тоже подмигнула, причем дважды, и левым глазом, и правым.

Глава 6

После обеда в доме наступил покой. Дед ненадолго задремал на диванчике, возле его ног разлеглась борзая. Ася из своей комнаты не выходила. Меня мучил вопрос, почему она плакала, неужели всё из-за мамы? Лишние утешения здесь бы всё равно не помогли, пусть пройдёт время, решила я, и не стала приставать к ней с бесполезными советами.

В столовой часы пробили полпятого. Приглушенный звон разлетелся по всему этажу и затих где-то в коридоре. Дед проснулся, открыл глаза и насторожено оглядел комнату. Заметив меня, улыбнулся, закачал головой.

– Да, да, да, виноват, виноват. Уснул, уснул, как младенец! После такого замечательного обеда, Елена Алексеевна, грех не уснуть.

– Вы всё преувеличиваете, Леонид Аристархович, – мне от его похвалы даже стало неловко. – Вы так говорите потому, что хотите сделать мне приятное. Ну, согласитесь, я плохо готовлю.

– Да кто вам эту ересь вбил в голову, голубушка! Готовите вы превосходно, и хватит об этом! Не скромничайте. Скромность, конечно, женщину украшает, но, поверьте, не всегда. Иногда нужно и себя показать, и достоинствами похвастать в меру. Ну, вы же женщина, вы должны понимать...

– Было бы перед кем хвастать, – ответ получился слег-

ка грустный. Мне не хотелось откровенничать, тем более, и нечем. Но Леонид Аристархович удобнее уселся на диване и уже был готов слушать.

– Позвольте, угадаю... Неужели такая интересная женщина и одна?

Я только кивнула головой.

– Даже друга нет?

– Это, смотря что, вы имеете в виду.

– Ну, конечно, любовь я имею в виду, – удивленно пояснил дед.

– Любовь... – я задумалась. – Знаете, Леонид Аристархович, с другом проще как-то и без любви. Любовь здесь мешать только будет.

– Понимаю, понимаю вас. Раньше говорили, для здоровья...

– Да, наверное, и сейчас говорят.

– Нет, сейчас все смакуют это новое и доступное слово «секс». Заниматься любовью перестали, теперь занимаются сексом, как йогой.

– А вы откуда знаете? – я невольно улыбнулся. Занятный получался у меня разговор с седым мужчиной в инвалидном кресле.

– Да вот стараюсь от жизни не отстать, телевидение вечерами смотрю. Знаете ли, немного, по полчаса, чтобы совсем не рехнуться от новой жизни. Так там только про секс и говорят, причем открытым текстом. В наше время такого не

было. Скромнее люди себя вели, уважали и себя, и окружающих. Несчастный Фрейд! Он, я думаю, даже и не предполагал, что его идеи так широко развернутся.

– А мне кажется, что и это скоро всем наскучит.

– Правильно вы говорите! Наскучит, ещё как наскучит! Ведь то, что доступно, всю свою прелесть и теряет. А любовь она вечна... Она никогда не наскучит...

Дед как-то сник, потух и замолчал буквально на несколько секунд. Но снова встрепенулся, заулыбался и подвёл итог нашей приватной беседе.

– Ничего, ничего, вы-то ещё молоды! Какие ваши годы! Встретится ещё хороший человек, обязательно встретится!

– Вы сегодня перед обедом про какую-то Любушку хотели мне рассказать, напомнила я и опять полезла не в своё дело. – Это кто?

– Как кто? – удивился дед. – Любомира Кнежич. Любовь всей моей жизни!

– А где она теперь? – надо было, конечно, остановиться...

– Где-то здесь, в этих местах, жили мы тогда в Голицыно. Хоронили её без меня, меня-то здесь уже не было тогда, бросился в бега...

Леонид Аристархович поманил меня пальцем, я, сколько могла, наклонилась к нему из своего кресла поближе. Даже Митюша, сонно дремавшая в полглаза, наострила уши.

– Я ведь, Елена Алексеевна, из-за неё, из-за Любушки моей, человека убил... – сказал дед шепотом и подмигнул мне

правым глазом. – Только вы никому, ей-ей...

На мгновение я потеряла дар речи. Вот это я попала! С одной стороны и жутко, а с другой – ерунда какая-то, смеётся надо мной старик, не иначе! Нормальный человек не станет такое рассказывать едва знакомой женщине, даже если она и хорошая душевная собеседница. Не станет. Если только он был уверен, что я не представляю для него никакой угрозы, и в полицию сразу не побегу. Да, нет же! Бред какой-то! Приснилось что-то старику, а я сразу и поверила. Всё-таки со здоровьем у него, видимо, не всё в порядке.

– А давайте мы с вами, Леонид Аристархович, выпьем положенные пилюли и поедем кататься на свежий воздух. И приятно после такой-то духоты в доме, и полезно. А Машенька все комнаты хорошенько проветрит.

– Я с ума не сошёл и память не потерял! – слегка надулся на меня дед. – Но идея ваша мне нравится. Я на улицу давно не выходил, год или полтора.

– Почему? – сегодня явно был день изумлений.

– Не хотелось мне...

Олег помог одеть деда теплее, вынес его из дома и усадил в лёгкое передвижное кресло. Пока я, как курица над цыплёнком, хлопотала над Леонидом Аристарховичем, чтобы ему было удобно, борзая через открытую входную дверь выбралась за нами во двор. Снег почти весь растаял. После вчерашнего светопреставления погода улеглась, успокоилась, мирно вошла в обычную колею, и заходящее солнце

красным диском висело над высоким забором. Всё клонилось к вечеру, было на удивление даже тепло.

– Елена Алексеевна, сходите в дом оденьтесь теплее, – Маша высунула голову из-за двери.

– Так тепло же, – запротестовала я. – и мы ненадолго, вечереет уже.

– Какое там тепло! – настаивала девушка. – Заболеете, хуже будет. Я вам сейчас что-нибудь вынесу...

– Маша у меня нет ничего, я в манто сюда приехала...

Но кричать было некому, голова в белом чепце мгновенно исчезла за дверью. Через минуту Олег бежал ко мне с курткой.

– Чьё это? – поинтересовалась я.

– Моя куртка. Надевайте! Не бойтесь, она тёплая. Сегодня ветерок играет...

Дед сидел молча и осматривал пустой двор. Дорожки все были очищены от снега, только на газоне ещё оставались белые следы. Митюша носилась по двору как угорелая за невидимым зайцем. Её шерсть развивалась по ветру, длинные ноги спутывались в один клубок и тут же, словно ножки циркуля, раскидывались в противоположные стороны. Голова и шея составляли одну линию, строго параллельную земле. Не собака, а загляденье! Вдруг борзая резко остановилась и притрусилась к нам, уткнулась мордой в мои холодные руки и заскулила.

– Ты что, Митюшенька, – я стала нежно поглаживать по

ушам, по загровку, – гуляй сегодня здесь. Мы с Леонидом Аристарховичем на улицу не пойдём, темнеет уже. А завтра до обеда выведу тебя на простор, хорошо, Митюш?

Борзая зычно твякнула и снова понеслась по кругу вдоль забора.

– А ведь она вас поняла, Елена Алексеевна, – сообщил мне дед. – По-своему, конечно, но поняла. А главное, доверилась вам сразу, удивительно ведь, правда? Я бы тоже лет так двадцать назад беспрекословно вам доверился бы.

– Вы меня просто в краску вгоняете, Леонид Аристархович! Вам не стыдно?

– Честно? Нет! Я ведь уже старый, как говорится, песок сыплется... Я же ведь шучу, и вы должны понимать.

– Вы так со всеми патронажными сёстрами шутите?

– Ни с кем! Клянусь! Если бы вы их только видели. Ни малейшего поползновения в душе, а вот к вам почему-то другое отношение, почему?

– Не знаю...

Я врала, и было очень неловко. Следовало переменить тему. Руки мои озябли, и я сунула их в теплые глубокие карманы куртки. В левом звякнули ключи и какая-то мелочь. Я не стала их даже доставать, чтобы проверить свою догадку. А вот в правом нащупала гладкие свернутые листики. Во дворе мы с дедом были одни. Прогуливаясь вдоль дома по дорожкам, отъехали за угол, так что Олег меня никак не мог увидеть из окна. Я достала листки. Их оказалось два. На од-

ном был быстрым размашистым почерком составлен список моих вещей. Это понятно. Вчера Олег эти вещи для меня и купил. А на другом листке был по пунктам изложен перечень поручений, которые, видимо, хозяин оставил охраннику на время своего отсутствия. Я стала быстро читать список. Дойдя до третьего пункта, ноги мои подкосились. Между первым пунктом – починить камеру наблюдения на охранном пункте – и вторым – забрать костюмы из прачечной, четко говорилось: «Позвонить в агентство «Нежные руки» и получить рекомендацию на патронажную сестру Левицкую Елену Алексеевну, 1978 года рождения». Это была я! Я! Откуда он мог узнать мою фамилию и год рождения? Мне сделалось дурно, перед глазами всё поплыло. И тут я услышала рядом голос деда. Он меня звал и уже несколько раз.

– Елена Алексеевна, что-то я замёрз с непривычки. Не пора ли нам в дом заходить?

– Да, да, конечно, – опомнилась я. – Сейчас поедем.

Свернула аккуратно листки, положила обратно в карман. Надо будет как-нибудь деликатнее разузнать у Олега, звонил он уже в агентство или ещё нет?

Пока огромный сверкающий серебром чайник вскипал на плите, я успела под руководством Леонида Аристарховича наболтать жидкое тесто для блинчиков и уже раскалила толстую сковороду. Дед розовощёкий после прогулки сидел в своём кресле возле разделочного стола и вполне умело дирижировал всем процессом, рассказывая между делом уди-

вительные байки из своего прошлого. Олег и Машенька при-
тихли в уголку кухни и только переглядывались со мной.

– Тот князь, про которого вы мне давеча не поверили, Елена Алексеевна, на самом деле существовал... теперь вы-
ливайте половник на сковороду и быстро по ней так разма-
зывайте. Отлично! Печём! Так вот! Познакомился я с ним
в Париже на Монмартре. Тогда у моей тещи там магазин-
чик небольшой был мужской одежды. Пришел мужчина вы-
брать костюм, а по росту слишком уж высокий. Какие брю-
ки не возьми, все коротковаты! И так пробовали, и эдак!
Нет подходящей пары и всё! Теперь аккуратно переворачи-
ваем блинчик на другую сторону! Вуаля! Превосходно, Еле-
на Алексеевна, превосходно! Не перепекаем, не пережари-
ваем, ждем десять секунд и вот...

Снимая блин со сковородки, я сделала неловкое движе-
ние, и моё произведение кулинарии упало на пол.

– Отлично! Первый блин комом! – не унывал Леонид
Аристархович. – Готовим второй...

Машенька метнулась помочь мне и убрать жирный блин
с пола. Пока ходила за мокрой тряпкой, Митюшка слизала
блин длинным языком и одним махом проглотила его, толь-
ко причмокнув острыми зубами от удовольствия. Радостная,
что ей в кои-то веки перепало такое лакомство, борзая увере-
нно уселась под плитой в ожидании следующей осечки. При-
шлось Олегу оттягивать её подальше в угол, чтобы я могла
подойти к сковородке. А дед всё продолжал.

– Уже через три дня князь приходит на первую примерку... Масло больше не подливайте, достаточно! И довольный результатом, костюм ему очень понравился, пробалтывается кто он и откуда! Вы не поверите!.. Переворот! Печем вторую сторону... Оказывается, он потомок богатейшего рода из России, фамилию, конечно, скрывает, что очень странно для такого типа людей. Они своими именами там за границей всегда привыкли козырять,... Елена Алексеевна, осторожно, не упустите... Молодец! Начало положено. А когда мы с ним уже хорошенько познакомились да разговорились, он меня в ресторан-то и позвал на свои именины. Оказался внук Долгоруких! Вы представляете? Гуляли до утра. Князь затейником таким оказался, никогда больше в жизни так весело не гулял... А ещё что вам расскажу...

Когда Ася спустилась вниз, солидная стопка блинов уже стояла на столе. Подали чай, варенье, красную икру и липовый мёд. Его обожал Леонид Аристархович. Процесс выпекания блинов, а больше всего рассказы деда, увлекли всех и как-то незаметно объединили, сблизили что ли. Олег и Маша, сидя за столом, (я опять попросила их присутствовать за чаем, а не отсиживаться в комнате для персонала), уже без стеснения, но с должным уважением к хозяйке, тихо беседовали между собой, пока я разливала по чашкам кипяток. Царило веселое оживление, обстановка была непринужденной и домашней, по всему первому этажу вкусно пахло блинами.

– Ну, давайте, раскладывайте, берите, не стесняйтесь, –

командовал дед и маленькой ложечкой негромко постучал по тонкому фарфору. – А не пригубить ли нам чего-нибудь покрепче, – его глаза мечтательно смотрели в потолок. – И повод есть...

– Какой повод? – заинтересовалась Ася, подсаживаясь к столу. – Что тут у вас происходит, я что-то пропустила?

– Такой повод, Асенька, что я с легкой руки Елены Алексеевны на улице сегодня погулял! – похвастался дед.

– Это когда же вы успели?

– Когда ты уроками занималась!

– А меня почему не позвали?

– Ты же занята была! – оправдывался дед. – Поэтому и не позвали. Даже Митюша с нами гуляла, вытоптала всю траву во дворе!

– Действительно, повод, – изумилась Ася и посмотрела на меня. В ответ я только пожала плечами, мол, не виновата, как-то всё само собой получилось.

– Так и я говорю! – подхватил дед. – Ну что, по пять капель?

Олег вышел в кухню, принес из буфета коньяк.

– Дед, не переборщи! – предупредила насторожено Ася.

– Не волнуйся, я меру знаю. А вы, Елена Алексеевна, не составите мне компанию?

– Только одну рюмочку, Леонид Аристархович, чтобы вас не обидеть.

– Вот и замечательно. И Машеньке рюмочку налейте.

Та стала отказываться, но дед настоял.

– От одной рюмки ничего не будет. В кои-то веки так хорошо у нас всё устроилось. А с такой-то закуской, да под блины! В старые времена блинами откормиться можно было! А начинки какие подавали! Всевозможные! О таких разносолах сегодня и не слыхивали. Прошли времена, прошли...

– Дед, тебя слушаешь, так получается, что ты чуть ли не при самом царе жил! – рассмеялась Ася. Слава богу, у неё было хорошее настроение!

– Нет, конечно, при царе не жил. Сорокового года рождения я. О царе уже и позабыли тогда. А вот тяга к хорошей кухне осталась, это да! Об этом могу рассказывать бесконечно!

– Ася, ты папе дозвонилась? – я старалась говорить негромко, но мой вопрос услышали все. Олег меня перебил.

– Иван Федорович звонил, когда вы на прогулке были, – доложил он сухо.

Я замерла и ждала продолжение.

– И что?

– Ничего. Спросил, чем вы занимаетесь, я ответил.

– И дальше, – просто наказание какое-то вытаскивать клещами каждое слово!

– Он был удивлен. Но ничего не сказал.

– Чему удивлён? – не поняла я.

– Наверное, тому, что вы заставили Леонида Аристарховича выйти на улицу.

Дед обиделся.

– Никто меня не заставлял. Я сам захотел.

– Хорошо, не будем спорить! Опера не ждёт!

После ужина Леонид Аристархович удобно расположился на диване, борзая сразу же заняла своё место на ковре. Ася с учебником уселась вместе с ногами в кресло. Я включила черный экран, выбрала нужный канал. От большого света все решили отказаться, оставили только небольшую подсветку по периметру потолочного декора. Получилось уютно, красиво и очень интимно. Гостиная мне нравилась. Просторная, светлая, высокие потолки и ничего лишнего, всё было продумано по последней новой моде – больше пространства, меньше вещей. Когда же с экрана полились первые звуки бессмертной оперы Верди, Ася незаметно сунула в уши наушники от телефона и уткнулась в учебник. Высокое искусство её, видимо, мало интересовало, и я не могу её осуждать. Современный мир полностью перевернул отношение к прекрасному и вечному. Если выезд в оперу сто пятьдесят лет назад считался для людей праздником, ожидался с нетерпением и являлся частью тех редких увеселительных моментов в скучной повседневной жизни, то сегодня во времена тотальных и всевозможных предложений на рынке современных развлечений с быстрой динамикой и нарастающей конкуренцией в этой области такие места, как театры, мало привлекают зрителя наших дней, особенно молодежь до двадцати пяти лет. Любовь к вечному надо прививать с

колыбели, на это у современных родителей просто нет времени. Они, увы, зарабатывают деньги.

– А знаете, Елена Алексеевна, – позвал меня дед. – Ведь на первом показе в Венеции опера провалилась. Причём был полный провал! Верди пришлось переписывать чуть ли не половину партитуры. Кто сейчас об этом помнит?

Он наслаждался. Это было заметно. Словно ребенок новой и вкусной конфетой. Когда закончилось вступительное либретто, деда уже ничто не могло отвлечь от экрана телевизора, и я незаметно вышла на кухню. Машенька убирала чистую посуду в шкаф.

– Елена Алексеевна, я всё закончила. Можно я уже домой пойду, а то поздно?

– А где вы живете?

– Да здесь же в Одинцово, неподалёку.

– Может, вас надо проводить?

– Ой, да не беспокойтесь, не в первый раз, сама дойду.

– А завтра другая девушка выйдет на ваше место?

– Да нет, – улыбнулась Маша моему наивному вопросу. – У меня сменщицы нет, как у охранников. Я одна работаю.

– Почему же такая несправедливость? – возмутилась я эксплуатационным замашкам новой буржуазии. – А когда у вас выходной, когда вы отдыхаете?

– Когда Иван Федорович позволит, – пожала плечами Маша. – На этой неделе выходного ещё не было.

– У вас семья есть? – я стала интересоваться создав-

шейся ситуацией.

– Я не замужем, но семья есть. Мама, брат, отец, еще глухая бабушка, мамина мама, – пояснила девушка. – За ней уход нужен, она лежащая.

– Завтра у вас будет выходной, – непроизвольно вырвалось у меня.

– Нельзя, – Маша категорично замотала головой. – Иван Федорович будет недоволен. По всему дому камеры, это не утаишь.

– Утаивать не будем! Зачем нам нарываться на неприятности. Если он спросит, я всё возьму на себя. Вам нечего бояться. Посудите сами: его не будет ещё два дня. Завтра вы отдыхаете, а за день до его приезда всё спокойно уберете и вымоете, не торопясь.

Машенька задумалась. Видно, моё предложение ей понравилась.

– Знаете, выходной я ждала. В Москву хотела съездить, кое-что купить на зиму из одежды.

– Отлично! – я просияла. – Ну, значит, договорились. Оставьте на всякий случай мне свой телефон.

– Вот здесь все телефоны и адреса, – Маша взяла со столика пухлый блокнот, открыла. – Вот моя фамилия и номер телефона. Еще номера скорой, пожарной, газовой службы и районная полиция.

– Ну, я надеюсь, до этого не дойдёт! – хотела пошутить, не получилась. Маша смотрела на меня очень серьезными

глазами.

– Леониду Аристарховичу иногда приходится скорую вызывать.

– Понятно, – какой-то здравый смысл в этом предупреждении был. – Спасибо.

На кухню вошел Олег, явно чем-то озабоченный.

– Напарник мой не приехал, – пояснил коротко без лишних объяснений.

– Звонили ему?

– Звонил. Не доступен.

– Странно, – вмешалась в разговор Машенька. – Он всегда такой ответственный. Ни разу не опоздал за полгода.

– Придется мне и сегодня на ночь остаться, – заключил Олег.

– А что может случиться? – удивилась я. – В сторожке на воротах кто-то есть?

– Да, там уже Владимир Александрович сменил Михаила. А Никиты нет.

– Ну, вот и хорошо, – стала я убеждать Олега. – Поезжайте домой. Отоспитесь, отдохните, а завтра к обеду заступите на пост.

– Так не положено, – угрюмо возразил Олег. – Иван Федорович мне другие инструкции оставил. Пока сменщик мой не объявится, я пост не покину. Здесь сегодня переночую.

– Ладно, – я не стала влезать в чужой монастырь со своим уставом. – Делайте, как в инструкции прописано.

«Травиата» закончилась около одиннадцати часов вечера. Я почти засыпала на ходу. День был не трудный, но насыщенный всякими новыми впечатлениями. Олег сам уложил деда на покой, Ася пожелала мне спокойной ночи, все разошлись по своим комнатам. На постель я упала просто в изнеможении и тупо уставилась в потолок. Не хотелось ни о чем думать, ни с кем разговаривать, тем более что-то объяснять и оправдываться в долгом молчании перед родными и подругами. Должна же быть у меня своя личная жизнь, в конце концов! Но все как будто ждали этого момента, стоило мне закрыть глаза, как телефон издал жалобные звуки.

– Алло, Ленка, привет! Ну, как там у тебя? Как день прошёл?

– Всё нормально, Светик, я очень устала и хочу спать.

– Ну, Лен, расскажи что-нибудь, – Светка не унималась, – у меня столько вопросов накопилось...

– Копи дальше, я выключаю телефон!

Конечно, грубо, но иначе никак. От Светки невозможно отвязаться с её вечными вопросами и учениями о жизни. Сама как-нибудь разберусь. Но звонок маме всё-таки сделать пришлось.

– Как там отец? – сразу поинтересовалась я. – Обиделся, что не пришла сегодня?

– Да нет, – успокаивала меня мама. – Поворчал немного и отпустило. Я пообещала, что на следующих выходных заедешь.

– Постараюсь.

– Как у тебя дела? Ты здорова? Питаешься хорошо?

– Мам, мне тридцать восемь лет! Не начинай!

– Вот родишь кого-нибудь, вспомнишь мои слова.

– Кого? От кого?! Мам, спустись на землю!

– Мне уже всё равно от кого, главное, чтобы здоровый был, а не пьянь какая-нибудь. Возраст, Леночка, возраст!

– Хорошо, – сдалась я, – другие пожелания будут?

– Нет. Береги себя.

Ну, вот и поговорили. Всегда так! Начинается за здоровье, а кончается за упокой! Стареет мать, стареет. Целый рой неприятных мыслей вихрем закружился в голове. Да, возраст! Да, понятно, что одиночество самое худшее, что может ожидать женщину после сорока! И тем ожесточеннее идет борьба за мужчин, рушатся семьи, страдают дети, и в конечном итоге выигрывают единицы, которые смогли пройти через разводы, раздел имущества и детей, и банальное двоеженство. Женщины сами в процессе эволюции за последние двадцать лет избаловали мужчин, а теперь требуют от них инициативы, страстных порывов, романтических свиданий и элегантных ухаживаний. Всё кануло в Лету. Теперь, если мужчина среди белого дня решительно подходит посреди проезжей части дороги и предлагает (смело, без всяких стеснений!) познакомиться и продолжить знакомство с явным намеком на долгожданный секс, конечно, только полная дура сделает удивленное лицо и категорично скажет «нет».

Нужно оставить хотя бы телефончик, ну так, на всякий случай, а вдруг... потом... когда-нибудь...

Электронное табло показывало два часа ночи. Мозг не хотел выключаться, в висках глухо пульсировала кровь. Ваня, Ванечка, Ванюша... Что он сейчас делает там, в Париже, уже спит? И какие могут быть у него неприятности: на фирме, с женой, на работе? Я подскочила на кровати как ужаленная. А если послать ему сообщение! Ну, я же должна отчитываться перед ним о том, как прошел день, или его совсем не интересует, как тут семья поживает без него? Хотя поздно уже! Но попытаться стоит...

Я лихорадочно включила сотовый телефон. Где-то на бумажке был записан его номер. Нашла! Что написать?.. Боже мой, что вообще можно написать едва знакомому мужчине в два часа ночи? «Леночка, миленькая, выключи свой телефон и ложись уже спать», – где-то далеко послышался голос самосознания, но пальцы сами стали быстро нажимать на буквы алфавита. «Добрый вечер, Иван Федорович! Довожу до вашего сведения, что день прошел нормально, особых происшествий (то есть вообще никаких происшествий) у нас не было. Дома всё в порядке». Ну, бред какой-то! Причём полный! Уж очень официально всё получается. Надо спасать положение. «Добрый вечер!» Почему вечер, если уже давно ночь? А как лучше «доброй ночи»? Скажет, идиотка какая-то, знает, что уже ночь, а тревожит ерундой. Ну, предположим, что вовсе и не ерундой... «Привет! Я знаю, что

уже очень поздно, но днём не было времени. У нас всё хорошо. Не волнуйся. День прошел отлично! Спокойной ночи! Целую! Елена». Я быстро нажала на сохранение и отправила сообщение. Целых пять минут прошли в жутком ожидании ответа. Сердце колотилось так, что в дали уже стал мерещиться инфаркт. Дзынь! Пришла смс! «Привет! Очень рад за вас! Не помню, чтобы мы были уже на «ты»? Но всё равно, целую!!! Иван».

Целых три восклицательных знака! Ура! Рыбка заглотнула наживку! Первый шаг сделан, теперь можно спокойно спать. Как говорила Скарлетт О'Хара из моей любимой книги «Унесенные ветром»: «Я не буду думать об этом сегодня, лучше я подумаю об этом завтра». Что не говори, а в этих словах есть какая-то вековая женская мудрость. И об этом я знала всегда!

Глава 7

Утро было серым, мрачным, грустным. За ночь опять выпал снег и укрыл черную голую землю белоснежным пушистым манто. С неба сыпалась снежная крошка, низкие грязные облака зависли чуть ли не на уровне третьего этажа дома. Ни единого просвета, намёка на жиденский солнечный луч, одна сплошная мерзкая масса из тумана. Одним словом – понедельник!

Было уже начало восьмого, когда я вся бодрая и жизнерадостная спустилась на кухню. К моему удивлению дед уже сидел за обеденным столом в своём инвалидном кресле с теплым пледом на ногах и сосредоточенно раскладывал полувеером карты Таро. Завидев меня, восторженно заговорил.

– Алена Алексеевна! А-а! – решительно махнул рукой. – Давайте просто Леночка, не обидно будет для вас?

– Да нет, – я изумленно пожала плечами. Что тут происходит вообще?

– С вашей лёгкой руки Олег меня прямо сразу же сюда определил, поближе к кухне, так и Асеньке удобнее, не надо на третий этаж с тарелками бегать...

На кухне, действительно, сутилась Ася. Помешивала в ковшике овсяную кашу, наливала в чашки заварку и кипяток.

– Доброе утро, Елена Алексеевна! – она живо метнула в

мою сторону взгляд и снова застыла над кашей. – Боюсь, сбежит. Потом плиту мыть. А времени у меня уже нет. Сегодня до занятий ещё факультатив по физике. В восемь начало.

– Так давай я всё доделаю и дедушку покормлю, – предложила я.

Ася категорично мотнула головой. Упрямая!

Из соседней столовой послышался обиженный голос деда.

– Не надо меня кормить! Я ложку и сам ещё в состоянии держать...

– Я имела в виду, Леонид Аристархович, подать на стол!

– А! Подавать уже можно! С пяти утра ничего не ел.

– Ася! Иди, собирайся. – Я стала нагружать поднос чашками. – Ты хоть успела что-нибудь съесть?

– Нет. Сейчас вернусь, чай выпью.

Я не успела ничего ответить, девушка умчалась наверх. В кухню вошел Олег, выражение его лица с вечера абсолютно не поменялось.

– Как дежурство? – поинтересовалась я из любопытства.

– Нормально, – последовал короткий ответ.

– Напарник, как его, Никита, звонил? – опять приходится вытаскивать клещами каждое слово.

– Нет, – Олег погрустнел ещё больше.

– Ничего страшного, – я попыталась его утешить. – К обеду объявится.

– Почему вы так думаете? – Олег прищурил правый глаз, насторожился.

– Не знаю, – пожалала я плечами, – мне так кажется. Ну, куда он мог подеваться?

– Вот и я думаю, куда?

– Будете завтракать? Овсяная каша! – я указала на дедову тарелку.

– Каша, – Олег поморщился.

– Согласна, звучит не заманчиво, – подтвердила я. – Давайте тогда легкий омлет...

– С ломтиками бекона, – закончил за меня Олег.

– Отлично, только бекон вам придется поискать самому, пока я буду кормить Леонида Аристарховича.

– Я сам могу держать ложку, – опять послышалось из столовой.

Олег подошел ко мне почти вплотную, но с должной дистанцией, и зашептал на ухо.

– Расхрабрился сегодня наш дед, просто беда. С пяти утра меня по рации поднял. И побрился сам и оделся, даже одел колон попросил. Спустил его вниз. Так и этого ему мало оказалось. Велел принести в гостиную целую кучу книг и карты. Теперь, видели, сидит, гадает.

– Ну, это же хорошо. Чем бы дитя не тешилось, лишь бы... – я непроизвольно улыбнулась неожиданной многословности Олега. Да, чудит дед. Но и его понять можно, в кои-то веки свободу обрёл, по дому стал передвигаться...

– А завтракать мы сегодня будем, нет? Леночка! Куда же вы все пропали?

Я торопливо внесла поднос с кашей и чаем.

– Вот ваш завтрак, не шумите.

– А я вам уже погадал на сегодня, – дед улыбался и сиял, словно новенький пятак, и подмигивал с особым таинственным прищуром.

– И что же у меня сегодня: казенный дом или дальняя дорога? – я старалась изо всех сил поддерживать веселое настроение Леонида Аристарховича.

– Фу, как банально вы реагируете на такие таинственные вещи, Леночка! Вы что же думаете, карты – дрянь, карты это чепуха! Это же астральный мост между нашим духовным бытием там, – дед поднял указательный палец вверх, и я будто под гипнозом посмотрела на хрустальную люстру под потолком, – и биологической оболочкой здесь! – палец опустился вниз и уткнулся в направлении пола.

– Вы только не пугайте меня, Леонид Аристархович, мне как-то с утра плохие прогнозы совсем не нужны.

– С чего вы взяли, что прогноз плохой? – сразу надулся дед. – Прогноз хороший, даже можно сказать отличный! Вот смотрите сами – Мечи! Эта карта символизирует женщину, занявшую прочное положение в жизни. Она – прекрасная супруга и мать. Добивается задуманного путем упорной борьбы и сопротивления. Пользуется успехом на работе и уважением коллег. На практике полный контроль над собой, своими реакциями и поступками, что приводит к успеху задуманного дела!

Ого! Как верно всё подмечено! Знал бы только дед, что у меня задумано!

– Ну что нравится вам мой прогноз? – Леонид Аристархович ехидно усмехнулся.

– Очень! Очень нравится! – подтвердила я.

– Вот то-то же.

– Только давайте, договоримся, – я перешла на шепот. – Чтобы не испытывать судьбу, вы больше на меня гадать не будете. Чтоб удачу не спугнуть.

– Боже упаси! Боже упаси! – запричитал дед. – Конечно, конечно! Только моё гадание сбывается день в день. Завтра новый день и новое гадание.

В столовую влетела Ася. Она уже была одета в брюки и белоснежную кофточку, с рюкзачком на плече, а глаза красные, и мне показалось, на мокром месте. Девушка пролетела мимо нас с дедом, даже не чмокнув его в щеку, только на ходу выкрикнула.

– Я уже опоздала, поем в школе!

– Ну, всегда так, – забеспокоился дед, – одни отговорки у тебя! А могла бы спокойно с нами позавтракать...

Но его никто не слушал. Через минуту громко хлопнула входная дверь.

– А где её школа? – поинтересовалась я.

– Здесь в Одинцово, – дед, не торопясь, принялся за кашу. – Первый год, как мы сюда переехали, ездила в Москву. А потом всё резко изменилось. Компания ей здесь какая-то

приглянулась. Закатила скандал отцу, ну он и перевёл её сюда... В Москве в престижной гимназии училась, а здесь... – дед махнул рукой, – какая уж здесь учёба-то. Одно слово – деревня...

– У неё здесь, наверное, есть личный интерес, – я стала размышлять вслух. – Поэтому она и хочет быть поближе к ...

– К кому? – не понял дед.

– К молодому человеку. Вот карты вам что говорят?

– Про Анастасию ничего не говорят, – буркнул дед. – Скрытная она очень. Это у вас душа нараспашку, а у неё нет. Лгут карты про неё и всё.

Доводы показались мне не совсем убедительными. Что-то дед темнит и явно уходит от прямого вопроса. Из кухни донёсся запах гари. Видимо, Олег нашел всё-таки бекон и меня не дождался. Я кинулась ему на выручку. Так и есть! На одинокой сковородке скворчал чёрный кусок, который в прошлом был беконом, а на кухне никого не было. Отставив сковородку в сторону, я принялась готовить охраннику новый завтрак. Дед въехал в кресле на кухню и замахал руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.